
С.Г. Кирдина-Чэндлер

О РОЛИ ИНСТИТУТОВ
ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ
В ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ:
ОПЫТ СОЦИАЛИЗАЦИИ
ИНВЕСТИЦИЙ В КНР

Москва
Институт экономики РАН
2025

ББК 65.05
УДК 330.101

Кирдина-Чэндлер С.Г. О роли институтов денежного обращения в воспроизводственном процессе: опыт социализации инвестиций в КНР. Препринт. — М: ИЭ РАН, 2025. — 60 с.

В докладе представлены промежуточные результаты работы по теме государственного задания «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития» (рук. — академик РАН В.И. Маевский) на 2024–2026 гг. Основная цель доклада состоит в том, чтобы продемонстрировать особенности институционализации денежного обращения, которые необходимо учитывать в экономической политике России для создания благоприятных условий устойчивого воспроизводства и реализации «экономики развития». В первой теоретико-методологической части доклада сравниваются теории экономического роста и теории экономического развития (в широком понимании), их возможности и ограничения для исследования роли институтов денежного обращения в воспроизводственных процессах. Во второй эмпирической части доклада проанализирована система «социализации инвестиций» в современном Китае и обоснована целесообразность ее использования в России. Дальнейшие задачи исследований в этом направлении представлены в заключении.

Ключевые слова: теория институциональных X-Y-матриц, институты денежного обращения, экономическое воспроизводство, теории экономического развития, экономика развития, социализация инвестиций.

Классификация JEL: B15, B41, B52, E02, E42, F02.

Kirdina-Chandler S. On the Role of Monetary Circulation Institutions in the Economic Reproduction: Socialization of Investment in Modern China. Preprint. — M.: Institute of Economics RAS, 2025. — 60 p.

The working paper presents some preliminary results of the work on the topic of the state plane assignment “Institutional Foundations and Reproductive Factors of Russia’s Economic Policy Contributing to the Transition to a Development Economy” (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences Vladimir I. Maevsky) for 2024–2026. The main objective of the paper is to demonstrate the features of the institutionalization of monetary circulation that must be taken into account in Russia’s economic policy in order to create favorable conditions for sustainable economic reproduction and economic development. The first theoretical and methodological part of the paper is devoted to the comparison of theories of economic growth and theories of economic development (in a broad sense) with their capabilities and limitations for studying the role of monetary circulation institutions in economic reproduction processes. The second empirical part of the paper analyzes the system of “socialization of investment” in modern China and substantiates the feasibility of its use in Russia. Further research objectives are presented in the conclusion.

Keywords: theory of institutional X-Y matrices, institutions of monetary circulation, economic reproduction, theories of economic development, development economics, the socialization of investment.

JEL Classification: B15, B41, B52, E02, E42, F02.

© Кирдина-Чэндлер С.Г., 2025
© Институт экономики РАН, 2025
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. От теорий экономического роста к теориям экономики развития: научная и практическая актуальность	9
1.1 Теории экономического роста и теории экономики развития	9
1.2. Ограничения и возможности теорий экономического роста и теорий экономики развития для анализа институтов денежного обращения в воспроизводственном процессе	16
Глава 2. Диалектика институтов денежного обращения в воспроизводственном процессе	24
2.1. Взаимодействие X- и Y-институтов в ходе социализации инвестиций в КНР	26
2.2. Некоторые особенности воспроизводственных процессов в странах с доминированием институциональной X-матрицы	37
Заключение: основные итоги и задачи дальнейших исследований	49
Литература	52

ВВЕДЕНИЕ

Основная цель доклада состоит в том, чтобы продемонстрировать особенности институционализации денежного обращения, которые необходимо учитывать в экономической политике России для создания благоприятных условий устойчивого воспроизводства и реализации «экономики развития». Объектом рассмотрения станет процесс социализации инвестиций в современном Китае.

Для выявления особенностей «экономики развития» мы опираемся на теоретические разработки известных преимущественно гетеродоксальных экономистов (Маркса, Веблена, Кейнса, Шумпетера и др.) и их современных последователей по теории экономического развития (или теории экономики развития). Однако «нитью Ариадны», которая вела нас по лабиринту этого увлекательного исследования, была теория институциональных X-Y-матриц (Кирдина, 2014 [2001, 2000], 2004; *Kirdina-Chandler*, 2017). Она служила и ориентиром для выбора наиболее полезных для работы экономических концепций, и своего рода фильтром различения институтов, типичных для организации денежного обращения в странах с доминированием либо X-, либо Y-матрицы. Она также создала основу для отбора фактов и проведения сопоставительного и исторического анализов. Такой анализ необходим для подтверждения устойчивости выявляемых особенностей институционализации денежного обращения и закономерностей их динамики. Тем самым становится возможным оценить тренды и перспективы развития институтов денежного обращения в контексте их роли в вос-

производственных экономических процессах — в нашем случае речь идет прежде всего о России.

Предъявление теории «на входе» при отборе анализируемых фактов и сопоставлении исторических данных позволяет, на наш взгляд, снизить риски идеологической предвзятости. В этом историка, например, нередко упрекают институционалистов, указывая на использование крайне избирательных источников информации. Они называют это использованием сравнительной истории в качестве «параллельной демонстрации теории» (*Skocpol & Somers*, 1980. Р. 176), когда выводы делаются еще до того, как приводятся исторические примеры. Кроме снижения рисков предвзятости, заявляемые теоретические основания определяют методологию исследования и формируют фокус работы, задавая ограничения и предупреждая возможные (порой завышенные) ожидания от проводимого анализа.

Почему для исследования роли денежного обращения в экономическом воспроизводстве выбрана «чисто институционалистская» теория? Не лучше ли было опереться на ту или иную экономическую теорию, в том числе специально посвященную анализу денежных феноменов? Однако здесь возникают трудности, поскольку известна «методологическая традиция экономической дисциплины игнорировать деньги» (*Ефимов*, 2018. С. 7) — в данном случае речь идет о неоклассической, или ортодоксальной экономической теории, т.е. об экономике мейнстрима. Посткейнсианцы позволяли себе и более резкие высказывания: «Мейнстрим изгнал деньги из теории производства и экономической теории вообще» (*Dillard*, 1980. Р. 255). Они имеют в виду принятое в экономике мейнстрима методологическое допущение о раздельном анализе реальной и денежной сфер, связанных лишь через уровень цен (т. е. о том, что реальные переменные, такие как выпуск и занятость, независимы от денежных переменных). Это допущение Йозеф Шумпетер назвал принципом «классической дихотомии» (*Schumpeter*, 1934)¹. В.И. Маевский называет такой раздельный анализ макроэкономи-

-
1. С этим принципом связано принятое в неоклассической экономической теории представление о нейтральности денег: оно подразумевает, что денежные агрегаты не оказывают влияния на динамику реальных макроэкономических показателей в долгосрочной перспективе. Критику представления о нейтральности денег см., например (*Маевский*, 2021).

ческих и денежных параметров «белым пятном ортодоксальной экономической теории» (Маевский, 2025. С. 41), неспособной исследовать кругооборот денежных средств, опосредующих экономическое воспроизводство. Поэтому опора на ортодоксальные экономические теории вряд ли позволит достичь заявленной в докладе цели.

Но если ортодоксальная экономическая теория не уделяет достаточного внимания анализу денежных феноменов в воспроизводственном контексте, рассматривая их как «единицу счета», как «вуаль» (Sawyer, 2010. Р. 297) или «завесу, брошенную монетарной властью над истинными и “естественными” обменными отношениями» (Napappi, 2013. Р. 11)², то почему бы не опереться на те или иные монетарные теории и исследования в области финансов, бюджетной и денежно-кредитной политики, специально посвященные анализу движения денег в экономике? Потому что институциональные механизмы связи денежных потоков с реальными производственными процессами не являются основным предметом указанных направлений. В монетаристских исследованиях денежная сфера представлена обычно численными показателями, такими как величины денежных агрегатов, цены, процентные ставки и ставки валютного курса, финансовые активы и т.п., которые отражают денежное предложение. Но, как отмечал в свое время С.Р. Моисеев, известный не только своими теоретическими работами по денежно-кредитной политике, банковскому делу и макроэкономике, но и практической деятельностью в этой сфере³, «(В) рамках монетаристского анализа исследователи не ставят себе задачу показать, посредством чего денежное предложение влияет на экономику. Эффекты денежно-кредитной политики изучаются путем проверки тесноты связей изменения предложения денег и валового выпуска (или совокупных расходов). Опираясь на сокращенный способ доказательства, монетаризм рассматривает экономику как «черный ящик», внутри которого происходят неизвестные процессы» (Моисеев, 2002. С. 45). С этой точки зрения при анализе денег в экономике «различные подходы — неоклассический, кейнсианский, монетаристский — иногда трудно разделить. Порой они более или менее дополняют

2. Подробнее об этом см. Кирдина-Чэндлер, 2023. С. 48-49.

3. С 2011 по 2022 г. С. Р. Моисеев работал на высших должностях в Центробанке РФ.

друг друга, иногда подразумевают различные точки зрения, но в принципе они могут быть приведены в соответствие друг с другом при соответствующих допущениях» (Ekstedt, 2014. Р. 159). Важным для нас в этом их соответствии служат отмеченные ограничения для исследования особенностей институтов денежного обращения в воспроизводственных процессах, спрятанных в «черном ящике» экономики. Поэтому денежные теории, при всем богатстве представленного в них материала (который мы будем, конечно, использовать), недостаточны для решения поставленной нами цели.

Это подтверждает целесообразность опоры на институционалистскую теорию, в данном случае на теорию институциональных X-Y-матриц. Кроме того, мы полагаем, что эта теория по своим предпосылкам и результатам вполне соответствует духу и сути теоретических гетеродоксальных концепций, которые относят к «экономике развития» в ее широком понимании. Именно «экономика развития» представляет собой основной контекст для исследований, отраженных в докладе.

Доклад выполнен в рамках темы государственного задания «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития» (руководитель — академик РАН, д.э.н., проф. В.И. Маевский). Доклад имеет следующую структуру.

В первом разделе представлены теоретические подходы к пониманию экономики развития, отличающие их от теорий экономического роста. Если теории роста относят к ортодоксальному направлению современной экономической теории, то вторые — к гетеродоксальному направлению в экономике. Мы используем теоретические положения экономики развития для обоснования перехода к экономике развития в России в практической плоскости. Особое внимание уделим ограничениям современных теорий экономического роста для анализа институционализации денежного обращения в воспроизводственных процессах — основного предмета нашего доклада. Эти ограничения преодолеваются в концепциях представителей экономики развития, на которые мы будем опираться.

Второй раздел имеет эмпирическую направленность. В нем с опорой на представленные в первом разделе теоретические поло-

жения рассматривается опыт современного Китая по организации системы институтов денежного обращения, обслуживающих процесс воспроизводства. Выбор Китая обусловлен двумя причинами. Первая состоит в том, что в этой стране, как и в России, исторически доминируют институты X-матрицы. Это определяет возможности переноса китайского опыта в институциональное пространство России. Вторая причина состоит в том, что в Китае, на наш взгляд, цели достижения экономики развития реализуются в практическом плане в наибольшей мере. В своем анализе мы будем опираться не только на анализ количественных показателей, но и на работы гетеродоксальных экономистов, обращающих внимание на диалектику институтов денежного обращения в современном Китае. Эта диалектика проявляет себя в комплементарности институтов денежного обращения как необходимого условия эффективного воспроизводства экономики. Мы сконцентрируемся на процессе социализации инвестиций, что составляет одну из основ впечатляющих успехов китайской экономики. Также в этом разделе мы отметим некоторые особенности производственных процессов в странах с доминированием институциональной X-матрицы. Они свидетельствуют о том, что опыт Китая не настолько уникален и единичен, как это порой представляется со стороны. Он вполне может использоваться в тех странах, которые характеризуются схожими базовыми институциональными характеристиками, т. е. доминантой институтов X-матрицы.

В заключении будут подведены итоги работы и определены задачи дальнейших исследований.

ОТ ТЕОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА К ТЕОРИЯМ ЭКОНОМИКИ РАЗВИТИЯ: НАУЧНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

Интересующие нас аспекты экономического воспроизводства принимаются во внимание и в теориях экономического роста, и в теориях экономики развития. Их объединяет как общий предмет — экономическая динамика, так и признание того факта, что «рост производства представляет собой естественное следствие процесса накопления капитала. Тем самым процесс производства получает динамическую трактовку и позволяет перейти к рассмотрению условий его расширенного воспроизводства» (Балацкий, Екимова, 2022. С. 5). В то же время эти теории⁴ по-разному определяют и исследуют экономическое воспроизводство и его институциональную структуру. Это связано с различием их исторически сложившихся исходных предпосылок.

1.1. Теории экономического роста и теории экономики развития

Истоки разработки теорий *экономического роста* уходят корнями в классическую и неоклассическую традиции, в работы Адама Смита (1723–1790) по исследованию роста «богатства народов» XVIII в. Именно на его родине этот рост стал тогда наиболее заметным не только в сравнении с общемировой ситуацией, но и со

4. Мы говорим о теории экономического роста и теории экономического развития (экономики развития) в собирательном значении, т. е. как о совокупностях относительно внутренне однородных — в смысле разделяемых методологических предпосылок — теорий (концептуальных подходов, моделей).

странами Западной Европы (рис. 1.1, 1.2). Графики на рисунках это наглядно демонстрируют.

Gross domestic product (GDP) in England

This data is expressed in British pounds, adjusted for inflation.

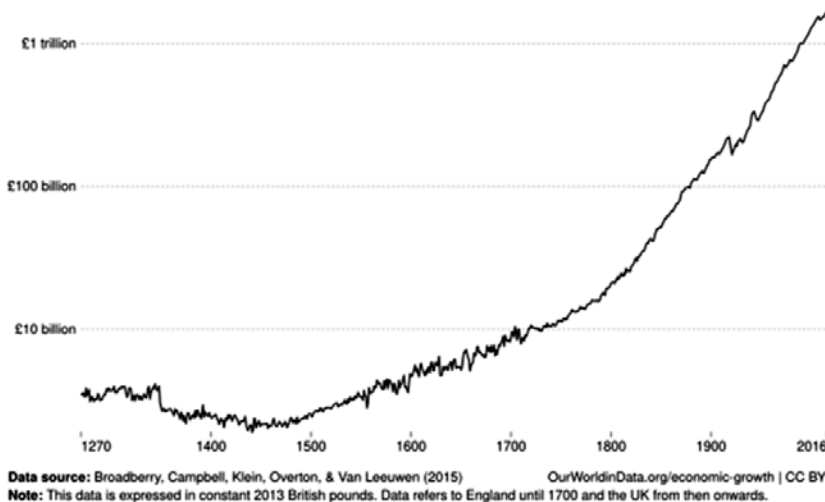

Рис. 1.1. Рост ВВП Англии

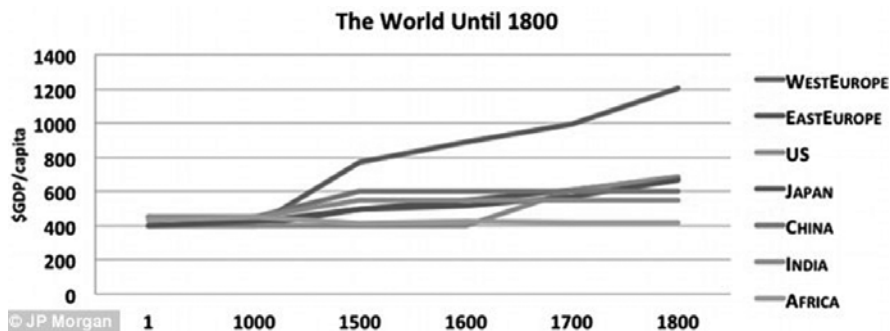

Рис. 1.2. Рост мирового ВВП

В своих исследованиях Смит опирался на модель «человека экономического», который, преследуя свои собственные интересы, служит, по сути, интересам и других членов общества, что обеспечивается «невидимой рукой рынка». Эти исходные предпосылки, обозначаемые сегодня как максимизация индивидуальной полезности в условиях равновесного механизма конкурентного рынка (при всех

их модификациях), продолжают составлять методологическое ядро современной неоклассической теории в целом и теорий экономического роста в частности. На это обратил внимание А.С. Красильников, посвятивший специальный анализ развитию теорий экономического роста за последние 100 лет: в составе «твердого ядра» исследовательской программы неоклассических теорий роста он выделил (наряду с направленностью на анализ факторов производства и их производительности) изучение равновесной траектории роста и влияющих на ее устойчивость причин (Красильников, 2007. С. 60).

Предметом рассмотрения теорий экономического роста является динамика основных макроэкономических показателей, прежде всего уровня доходов населения и долгосрочных темпов роста (прироста) ВВП, а также факторов этой динамики. Почему именно эти показатели? Потому что в условиях рыночной экономики, откуда родом основные теоретики экономического роста, доступ к благам, обращающимся преимущественно на рынке, определяется уровнем доходов, а мощность экономики в целом определяется суммарным набором этих благ, что отражает показатель ВВП.

Обобщая, можно сказать, что в теориях *экономического роста* представлен преимущественно количественный подход для отражения преуспевания обществ с доминирующими рынками через рост доходов населения и ВВП, как это характерно для смитианской и ортодоксальной экономической теории в целом.

Но уже не одно столетие этот подход постоянно подвергается критике со стороны тех, кого относят к пионерам и современным представителям теорий *экономического развития* (или теорий *экономики развития*). Отметим здесь лишь современников Адама Смита — его соотечественника Джеймса Стюарта (James Stewart, 1712–1780)⁵ и Александра Гамильтона из США (Alexander Hamilton, 1755–1804)⁶.

-
5. Джеймс Стюарт был автором идеи о роли государственного деятеля (stateman) в обеспечении балансов производства и потребления, а также адекватной занятости для экономического развития (Ramos, 2007. Pp. 3, 366).
 6. Александр Гамильтон — один из отцов-основателей США, автор концепции “developmental state” («государство развития»), т.е. сильного, централизующего государства, приверженного государственным инвестициям (Parenti, 2020); эту концепцию Гамильтон активно воплощал в жизнь на посту первого министра финансов США. Современные исследователи считают концепцию Гамильтона «оружием против идеологии свободного рынка» (Vassallo, 2020), сторонником которой был его современник Адам Смит. О понятии «государство развития» см. также (Волынский, 2024).

Поясним, что мы не придерживаемся узкого понимания «экономики развития», известного как «девелопментализм» (*developmentalism*, или *development economics*), т.е. группы теорий, которые изучают страны с низким уровнем доходов населения и «нацелены на объяснение экономической отсталости развивающихся стран и выработку рекомендаций по преодолению отставания в рамках глобализационной логики развития мировой экономики» (Толкачев и др., 2024. С. 105). Хотя именно такое понимание «экономики развития» как дисциплины отражено сегодня в многочисленных учебниках, словарях и работах западных ученых (см. обзор в (Толкачев и др., 2024. С. 106–108)). В настоящем исследовании мы разделяем широкое понимание экономики развития, предложенного самими наиболее известными современными представителями *development economics* из Бразилии: «Первоначально *classical developmentalists* считались пионерами экономики развития, но она ... включает в себя все школы мысли, которые работали с экономическим развитием... Это мышление, уходящее корнями в Маркса, Шумпетера и Кейнса» (Bresser-Pereira, Oreiro, 2024. Pp. 7–8), и даже глубже (*The Pioneers of Development Economics...*, 2005). В современной России аналогичного понимания экономики развития придерживался академик Д.С. Львов (Львов, 2002), его разделяют и авторы вышеуказанной работы (Толкачев и др., 2024).

В соответствии с таким широким пониманием теории экономики развития (экономического развития) относятся к гетеродоксальному направлению экономических исследований, тогда как теории экономического роста представляют собой раздел ортодоксальной экономической теории, или современной неоклассической теории экономического мейнстрима.

Если в теориях экономического роста основное внимание направлено на количественный анализ роли факторов производства и их производительности в достижении роста, то в теориях экономики развития речь идет далеко не только о них. Сошлемся в этой связи на позицию нобелевского лауреата из США Роберта Уильяма Фогеля (1926–2013), выступавшего с критикой тех экономистов, которые «приписывают большую долю роста просто росту капитала» (Fogel, 2009. P. 35) и поэтому считают увеличение факторных

затрат или общей производительности факторов основным источником экономического роста, в частности для современных быстро растущих экономик. Решающую роль, на его взгляд (как и на взгляд процитированных им таких известных экономистов, как Пол Кругман, Джозеф Стиглиц и др.), в этих случаях играет макроэкономическая политика правительств по реструктуризации экономики и созданию условий для развития системы образования, использования имеющихся и создания собственных технологических новшеств, опирающаяся на национальные традиции и интересы (Fogel, 2009). Можно видеть, что правительства таких стран (Фогель имел в виду прежде всего страны «восточноазиатского чуда») брали организацию воспроизводственного процесса «в свои руки», дополняя, а в ряде случаев и направляя активность экономических рыночных субъектов и выстраивая необходимую для экономического рывка социальную инфраструктуру (Cho, 1994; Campos, Root, 1996).

Помимо признания активной роли политических инструментов в экономической динамике, современных теоретиков экономики развития в ее широком понимании объединяет признание неравновесности экономических процессов и более широкий взгляд на способы экономической координации, среди которых рынку не всегда отводится лидирующая роль. Одновременно теории экономики развития уделяют внимание качественным различиям в макроэкономической системе, учитывают влияние географических, институциональных и культурных факторов на долгосрочную экономическую динамику и благосостояние населения (Веселов, 2025).

Поскольку подробному сопоставлению теорий экономического роста и теорий экономического развития с точки зрения используемых исследовательских программ, состава их основных представителей и вклада в понимание экономической динамики посвящена опубликованная ранее работа (Кирдина-Чэндлер, 2024b), здесь мы ограничимся сопоставлением основных методов и предпосылок, отличающих теории экономического развития (экономики развития) от теорий экономического роста, которые будут нам полезны. Среди них:

- внимание к национальным особенностям стран при анализе экономической модели развития, а именно к времен-

ным, институциональным и пространственным характеристикам с опорой на сравнительно-исторический метод, в отличие от универсальных абстрактных моделей ортодоксальной экономики;

- ориентация на «реальную экономику», внимание к структурным характеристикам национальной экономики, необходимым для ее комплексного и самодостаточного развития;
- исследование взаимосвязей развития реального сектора и денежной (финансовой) сферы, прежде всего через посредство создаваемых для этих целей институциональных структур, что обычно игнорируется в ортодоксии (речь идет об упомянутом выше принципе «классической дихотомии»);
- стадийный, циклический подход в противоположность линейной динамике универсальных моделей рыночного равновесия; понимание экономического развития как неравновесного процесса с постоянными инновациями;
- особое внимание к роли государства в экономике: саморегуляция экономики обеспечивается не на основе рынка, как это принято в неоклассических моделях экономического роста, но на основе координационного взаимодействия институтов рынка, правительственных (governance) структур и др. характерных для тех или иных стран механизмов.

На наш взгляд, очевидно, что такой теоретический подход является весьма актуальным для исследования и прогнозирования экономической динамики в современной России. Он позволяет выявлять не только универсальные «факторные» закономерности, как это предлагается в теориях экономического роста, что, конечно же, само по себе важно. Но, в отличие от теорий роста (и в дополнение к ним), подход с точки зрения экономики развития является, возможно, более практически ориентированным и важным при разработке экономической политики страны в конкретных обстоятельствах времени и места. Он фокусируется на структурных характеристиках экономики, в которой действуют неоднородные экономические субъекты, обращает внимание на взаимосвязь различных механизмов экономической координации современного

хозяйства — от рыночных микроинструментов и мезоэкономических структур до государственной макроэкономической политики, позволяет задействовать — или предупредить негативный эффект — выявляемых национальных экономических традиций и т.д.

Важной чертой теорий экономики развития является также более широкое понимание целей развития экономики. «В то время как экономический рост фокусируется на количественном увеличении производства товаров и услуг в стране, экономическое развитие охватывает более широкий спектр факторов, включая повышение уровня жизни, социального обеспечения и распределения богатства» (*Sirous, 2024*). Среди важных факторов отметим также создание условий для суверенного развития страны — от культуры до технологий, что является не менее важным, чем рост странового ВВП и доходов населения. Соответственно, общественное благосостояние сводится не только к росту доходов, но имеет в виду социальное благополучие граждан, которое обеспечивается, в том числе, различными каналами доступа к общественным благам.

Подход с точки зрения теорий экономики развития формирует соответствующий взгляд на действующие хозяйственные системы. Экономику развития в ее практическом воплощении можно определить как систему институтов, обеспечивающих необратимые положительные качественные изменения в экономической структуре и производительных силах суверенной страны на эндогенной основе⁷, создание новшеств в производстве, в продукции и услугах, в области управления, в других сферах жизнедеятельности для улучшения социального благополучия и расширения возможностей населения в сочетании с заботой об окружающей среде, что существенно дополняет оценку экономик на основе показателей ВВП и уровня доходов. Другими словами, экономика развития в стране обеспечивает непрерывное экономическое воспроизводство в расширенном масштабе на собственной основе во взаимосвязи (в идеале — в гармонии) с социальным развитием.

Привлекательность такого рода экономик, на наш взгляд, не может не вызывать интереса к теоретическим подходам, направлен-

7. Здесь мы соотносимся с определением экономического развития в трудах Йозефа Шумпетера (*Schumpeter, 1934; Alcouffe, Ferrari, 2008*).

ным на их изучение. В нашем случае аналитическую продуктивность теорий экономики развития мы обосновываем также ограничениями существующих теорий экономического роста для анализа расширенного экономического воспроизводства во взаимосвязи с процессами денежного обращения.

1.2. Ограничения и возможности теорий экономического роста и теорий экономики развития для анализа институтов денежного обращения в воспроизводственном процессе

Поскольку основная цель исследования состоит в рассмотрении особенностей институционализации денежного обращения в процессе воспроизводства, проанализируем возможности теорий экономического роста и теорий экономики развития для анализа экономических институтов, оформляющих этот процесс.

Какова основная функция этих институтов? В самом общем виде воспроизводственный цикл, включающий, по Марксу, такие стадии как производство, распределение, обмен и потребление благ, протекает во времени и пространстве. «Поэтому возникает объективная необходимость создания устойчивых правил, которые обеспечивают пространственно-временное перемещение благ между производителями и потребителями с целью обеспечения непрерывности и возобновляемости воспроизводственного цикла» (Кирдина, 2016. С. 78). Эти правила отражаются и закрепляются в системе соответствующих институтов, в том числе и денежного обращения, обслуживающих воспроизводственные процессы.

В свою очередь, «в каждый данный исторический период форма организации производства благ и воспроизводства его условий подчинена институциональной структуре общества» (Бодриков, 2013. С. 19). Именно она, в конечном счете, устанавливает порядок, в соответствии с которым произведенный продукт «естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе» (Смит, 2007 [1776]. С. 65). Другими словами, не только экономические институты обуславливают то, как протекает постоянно возобновляемая хозяйственная деятельность в стране, хотя их роль, возможно, является наиболее значимой. Важными являются политическая система с присущими ей институтами,

которая задает способы достижения стоящих перед страной целей развития, и сами эти цели, которые связаны с общественными ценностями и разделяемыми членами общества идеологическими, культурными и иными предпочтениями. Это не означает, что экономика как материальная основа существования общества растворяется в социальной системе и теряет свою специфичность. Но экономика и социальная система активно взаимодействуют, влияя друг на друга. Это факт постоянно принимается во внимание теми, кто разрабатывает теории экономики развития.

В отличие от них, теории экономического роста, как отмечено выше, разрабатываются в рамках экономической ортодоксии и разделяют ее основные методологические предпосылки. Согласно им экономика теоретически отделена от всего общества, поскольку ортодоксальная теория имеет дело с моделью сугубо «человека экономического». Одновременно подразумевается, что экономические субъекты, целью которых является максимизация индивидуальной полезности, действуют в условиях конкурентных рынков. Институциональную основу такой деятельности, в том числе в воспроизводственной сфере, обеспечивают институты частной собственности. Вот как об этом пишет известный южнокорейский экономист Ха-Джун Чанг⁸: теории экономического роста «утверждают, что «либерализованные» (или то, что большинство европейцев могут назвать «либеральными») институты, которые наиболее сильно защищают права частной собственности и обеспечивают максимальную экономическую свободу (особенно свободу бизнеса в поисках прибыли), будут наилучшим образом способствовать инвестициям и, следовательно, экономическому росту» (Chang, 2010. Р. 478). Другие формы собственности (государственная, собственность «открытого доступа» и др.) в «рыночных» теориях экономического роста, по его мнению, обычно игнорируются (Там же. Р. 481).

Однако само по себе понятие *собственность* — это не просто владение, а *институционализированное* владение (Hodgson, 2009). Как минимум, «это означает, что оно основано на существовании третьей стороны (государства), которая может узаконивать, выно-

8. В 2013 г. «Prospect magazine» включил Х-Д. Чанга в число 20 лучших мировых мыслителей — «The top 20 World Thinkers» (<https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/50996/world-thinkers-2013>).

силь решения и обеспечивать соблюдение соответствующих прав владельцев собственности. Такое понимание подразумевает не антагонизм между владельцами частной собственности и государством, как это характерно для доминирующего дискурса неоклассической ортодоксии и развиваемых в ее рамках теорий экономического роста, но сотрудничество» (*Кирдина-Чэндлер, 2024b. С. 148*). Однако такие формы взаимодействия, как и иные формы собственности, действующие в хозяйственных системах, остаются за рамками теорий экономического роста.

Таким образом, первое ограничение теорий экономического роста для анализа институционализации процессов воспроизводства связано с тем, что они опираются на упрощенные представления об институциональной структуре экономики, а именно как рыночной с доминированием частной собственности, и мало учитывают характеристики социальных систем, в которые встроены экономические институты. В разнообразных современных моделях экономического роста — от модели Харрода—Домара, Солоу, Рамсея—Касса—Купманса до Мэнкью—Ромера—Вейла и др. (подробнее см. *История экономики..., 2010. С. 538–552; Буянова, Аверина, 2024*) при обсуждении роли факторов производства и их производительности в достижении экономического роста институциональные факторы, в том числе и наиболее значимые, на наш взгляд, которые отражают структуру собственности, практически не исследуются.

Основным способом отражения в современных моделях роста институциональных особенностей экономики является использование разнообразных «институциональных индексов», которые либо добавляются как новый параметр в производственную функцию, либо увязываются с динамикой экономического роста в различных эконометрических моделях. Недостатки такого подхода известны: они связаны как с критикой построения институциональных индексов в связи с их субъективным характером (*Фролов, 2015. С. 24–26; Woodruff, 2006*), так и с отнесением такой аналитической схемы «к разряду «механистических» в том смысле, что она является простым продолжением и модификацией теории предельной производительности с учетом «механического» добавления институционального фактора» (*Балацкий, Екимова, 2022. С. 95*) и не позволяет выявлять характер причинно-следственных связей.

Второе ограничение для использования теорий экономического роста в нашем исследовании связано с уже отмеченным выше игнорированием роли денежных потоков при анализе реальной экономики. Однако воспроизводственный экономический процесс невозможен без сопровождающего и опосредующего его денежного обращения. Ведь необходимым условием движения благ по всем стадиям воспроизводственного процесса является согласование интересов (порой противоречивых) его участников, которое выражается, в свою очередь, в согласовании пропорций встречных материально-вещественных и денежных потоков в ходе воспроизводственного цикла (Кирдина, 2016. С. 79).

Если «в равновесии деньги — избыточное понятие» (Ekstedt, 2014. Р. 261)⁹, то в воспроизводственной аналитической схеме институт обращения денег имеет фундаментальное значение, поскольку позволяет решить проблему неопределенности в экономической динамике (Кирдина-Чэндлер, 2019), связанной прежде всего с будущим¹⁰. «Институты денежного обращения представляют собой поддержанную обществом взаимосвязанную структуру каналов, организаций, правил и денежных инструментов; ее функционал состоит в том, чтобы обеспечивать необходимые объемы и движение денег¹¹ для расширенного воспроизводства социально-экономической системы с целью обеспечения ее суверенности и сохранения экономико-политико-идеологической целостности в условиях неопределенности и внешних вызовов» (Кирдина-Чэндлер, 2023. С. 52–53).

Подчеркнем, что «денежное обращение», к тому же рассматриваемое в нашем исследовании с точки его институциональной структуры — гораздо более узкое понятие по сравнению с категорией «деньги»¹² — традиционной и практически необъятной даже

9. Подробное обоснование этого тезиса в отношении неоклассической концепции общего равновесия, упускающей роль денег, см. (Ekstedt, 2014. Рр. 266–267).

10. Как отмечал в свое время Дж. М. Кейнс, «значение денег, по сути, вытекает из того, что они являются связующим звеном между настоящим и будущим» (Keynes, [1936] 1973. Р. 293).

11. В данном случае мы подразумеваем движение не только денежных средств в наличной или безналичной форме, но и множества иных форм «универсальной ликвидности», которые могут быть обменены на реальное благо в настоящем и будущем. Шумпетер, например, использовал для этого термин «покупательная способность».

12. И более узкое по сравнению с пониманием денег как «социального института» (Davis, 2017).

с чисто экономической точки зрения. Анализ денежного обращения позволяет нам сконцентрироваться на процессе собственно движения «универсальной ликвидности», включая ее создание и распределение между экономическими субъектами, с обеспечивающей это движение «инфраструктурой» — каналами обращения и соответствующими организациями, определяемыми спецификой доминирующей в обществе институциональной либо X-, либо Y-матрицы¹³. Институты денежного обращения обеспечивают условия для необходимого накопления денежных средств, проведения расчетов, сопоставления затрат и результатов экономической деятельности в разные периоды, т. е. создают возможность «обмена текущей стоимости на будущую стоимость» (Лебедев, 2004. С. 70), поддерживая таким образом непрерывное возобновление хозяйственных процессов. В теориях экономического роста эти аспекты обычно не принимаются во внимание.

Однако для представителей экономики развития — как тех, кого относят к пионерам этого направления, так и для наших современников, экономика не может быть представлена иначе, как «денежная экономика», в которой денежное обращение и процессы, происходящие в реальной экономике, не отделены друг от друга. В настоящем докладе мы сошлемся на взгляды лишь одного из экономистов¹⁴, уважаемого как в среде сторонников теорий экономического роста, так и теорий экономики развития.

Мы обратимся к идеям Дж. М. Кейнса, причем в оригинале — они, как известно, порой отличались от тех, которые позже в «переваренном виде» были включены экономическими ортодоксами в теорию мейнстрима в ходе неоклассического синтеза¹⁵. Нас интересует

-
13. Данный подход был развит в ряде более ранних наших исследований при анализе эволюции банков в X- и Y-экономиках (Kirdina, Vernikov, 2013), сравнении институциональных моделей финансирования реального сектора в России, Китае и США (Kirdina, 2013), рассмотрении организации воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках (Kirdina, 2016), институционализации денежного обращения в СССР и постсоветской России (Kirdina-Chandler, 2021; Kirdina-Чэндлер, 2021, 2023a; 2023b).
 14. В работе (Kirdina-Чэндлер, 2021) мы проанализировали взгляды классиков институционально-эволюционной экономики Т. Веблена и Й. Шумпетера по этим вопросам, которые также оказались полезны в настоящем исследовании.
 15. Подробнее об этом см. в работах посткейнсианцев (Foley, 2014. P. 10; Robinson, 1973), которые называли неоклассический синтез “*bastard Keynesianism*”, а также (Leijonhufvud, 1967), который предлагал отличать так называемую «кейнсианскую экономику» от оригинальной «экономики Кейнса».

прежде всего стремление Кейнса к созданию *денежной теории производства*, которой, по его мнению, не хватало неоклассической экономической теории. В связи с этим он писал: «Различие, которое обычно проводится между бартерной экономикой и денежной экономикой, зависит от использования денег как удобного средства обмена, как инструмента очень удобного, но преходящего и нейтрального по своим последствиям. ... Но это не то различие, которое я имею в виду, когда говорю, что у нас нет денежной теории производства. Экономике, которая использует деньги, но использует их лишь как нейтральное звено между сделками с реальными вещами и реальными активами и не позволяет им принимать мотивы или решения, можно было бы назвать — за неимением лучшего названия — *экономикой реального обмена*. Теория, которую я предлагаю, в противоречие с ней, имеет дело с экономикой, в которой деньги играют роль сами по себе и влияют на мотивы и решения и, короче говоря, являются одним из действующих факторов в ситуации, так что ход событий не может быть предсказан ни в долгосрочном, ни в краткосрочном периоде без знания поведения денег между первым и последним состоянием. И именно это мы должны иметь в виду, когда говорим о *денежной экономике*» (Keynes, 1933. Р. 408. Цит. по (Heise, 2023. Р. 964). Курсив в оригинале).

В работах посткейнсианцев подход Кейнса по созданию денежной теории производства был сопоставлен со взглядами основоположника традиционного (original) институционализма Торстейна Веблена и получил институционалистскую трактовку (детальный обзор был в свое время представлен в Dillard, 1980). «Денежная теория производства — это теория, в которой деньги играют центральную и незаменимую роль в объяснении процесса производства. ... Деньги настолько важны для определения выпуска, что их можно представить как институциональный фактор в функциональной связи между факторами производства и выпуском... Денежная теория производства может рассматриваться как тип институциональной экономики, поскольку она учитывает способ, которым институт денежного капитала влияет на поведение коммерческих фирм и экономики в целом... Она рассматривает деньги как институт, как особую форму собственности в рамках определенного типа экономической системы» (Dillard, 1980. Рр. 265–266).

Мы полностью разделяем такой подход, включая обусловленность денежных институтов общими характеристиками как экономики, так и общества в целом.

Известной заслугой Кейнса является также аргументация в пользу расширения состава необходимых институтов денежного обращения, регулирующих процессы общественного воспроизводства. Для преодоления последствий отмеченного им «парадокса сбережений», когда стремление сберегать, будучи рациональным на микроуровне, приводит к сбоям в экономической динамике на макроуровне, Кейнс обосновал роль государственных расходов для стабилизации рыночных экономик. Институционализация этого процесса путем создания соответствующих каналов передачи бюджетных средств субъектам реального сектора дополнила известные механизмы банковского кредитования и другие способы привлечения необходимых для общественного воспроизводства инвестиций. В этой связи Кейнс вводит понятие «социализация инвестиций» (*the socialization of investment*)¹⁶. В заключительной главе своей знаменитой книги (*Keynes, [1936] 1973*) он полагает этот процесс одним из условий спасения основанного на частной собственности капитализма от его собственной гибели. При этом Кейнс пояснял, что социализация инвестиций не противоречит основным чертам капитализма и не требует, чтобы государство взяло на себя владение средствами производства и диктовало условия экономической деятельности остальной экономике. По словам Кейнса, «государству важно взять на себя не владение орудиями производства. Если государство сможет определить совокупный объем ресурсов, направляемых на увеличение орудий производства, и базовую ставку вознаграждения для тех, кто ими владеет, оно выполнит все необходимое» (*Keynes, [1936] 1973. Р. 378. Цит по (Kaboub, 2008. Р. 649)*). «По мнению Кейнса, социализация инвестиций представляла собой ряд долгосрочных политических мер, призванных улучшить функционирование экономики и повысить благосостояние людей в обще-

16. Термин *socialization* можно перевести как *обобществление*, и даже *национализация*. Но поскольку Кейнс специально подчеркивал, что это условие не имеет отношения к социализму (*Kaboub, 2008. Р. 649*), нами используется общепринятый калькированный перевод. Отметим здесь, что позже идею социализации инвестиций разрабатывали Й. Шумпетер (применительно к социализму) и Х. Мински (*Burlamaqui, 2015*).

стве в целом» (Davis, 1997. Р. 213). Другими словами, рекомендации Кейнса по усилению роли государства в воспроизводственном процессе не предполагали прямого участия государства в инвестициях, а обращали внимание на необходимость сочетания различных, в том числе смешанных форм собственности на капитал (Kregel, 1985. Р. 37). Эти рекомендации относились к тем экономикам, которые изучал Кейнс (рыночным экономикам), которые мы определяем как экономики с доминированием институтов Y-матрицы.

Что здесь, однако, важно для нас? Мы полагаем, что Кейнс напрямую ввел в неоклассическую экономическую теорию положение, которое в настоящее время мы называем «комплементарность институтов»¹⁷, а именно — о возможности сочетания инструментов из разных типов экономических систем (неслучайно Кейнсу приходилось постоянно оправдываться и отрекаться от возможных интерпретаций его подхода как включения «социалистических» форм в капиталистическую экономику). Именно поэтому его идеи, как и идеи других авторов, которых мы, вслед за бразильскими (и не только) коллегами, относим к представителям экономики развития, весьма плодотворны для анализа особенностей институционализации денежного обращения, обслуживающего процессы производства.

17. Под комплементарностью институтов в теории институциональных X-Y-матриц понимается взаимодействие альтернативных институтов, присущих каждой из матриц, в той или иной сфере. Например, в структуре собственности могут взаимодействовать экономические институты частной собственности, характерной для Y-матрицы, и условно-верховой собственности, типичной для X-матрицы. При этом сохраняется доминирующее положение того института, который характерен для доминирующей в стране институциональной матрицы.

ДИАЛЕКТИКА ИНСТИТУТОВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

В данном разделе мы рассмотрим результаты анализа функционирования институтов денежного обращения в воспроизводственном процессе с точки зрения принятых в экономике развития предпосылок. Наша задача состоит в том, чтобы показать плодотворность такого подхода и его возможности отразить возникающие сложные взаимосвязи в современной экономике. Объектом нашего рассмотрения станет процесс социализации инвестиций в современном Китае.

Следуя логике теории экономики развития, при анализе действующих в КНР институтов денежного обращения мы будем обращать внимание на эффекты кумулятивной причинности и *path dependence*, т.е. на причинно-следственные связи, обуславливающие историю развития и эволюции этих институтов, а также будем рассматривать денежное обращение не изолированно, а в более широком экономическом и социальном контексте. Обратим внимание также на еще одну особенность движения денег в воспроизводственном процессе, отмеченную в свое время Й. Шумпетером. В своих работах по теории экономического развития и бизнес-циклов (*Schumpeter*, 1934, 1939) он разделял денежное обращение в случаях «кругового потока» (*circular flow*), «устойчивого роста» (*the steady-growth case*) и «развития» (*the development case*)¹⁸. Первый

18. В дальнейших своих работах, как и в неопубликованной при его жизни книге, специально посвященной исследованию денежных феноменов «*Das Wesen des Geldes*» («Сущность денег»), Шумпетер развивает представление о деньгах как институте, что означает их рассмотрение в контексте социальной системы, в которой они функционируют (*Лакомски-Лагерр*, 2020. С. 62). По сути, в исследовании обращения денег Шумпетер стоял на позициях экономической социологии (*Там же*), которую полагал, как известно, важнейшим разделом теории экономического развития (*Schumpeter*, 1934).

случай характеризует простое воспроизводство без экономического роста, где деньги — лишь «входные билеты» в экономический процесс. Второй случай стационарного расширенного воспроизводства является продолжением модели «кругового потока», но с положительной скоростью экономики¹⁹. Появляются система банков, перенаправляющая сбережения на инвестиции, и положительная процентная ставка. Однако банки здесь пассивны и осуществляют так называемый «нормальный кредит», способствуя перераспределению сбережений в инвестиции. В третьем же нестационарном случае, когда речь идет, собственно, о развитии²⁰, банки должны осуществлять, по определению Шумпетера, «аномальный кредит», создавая дополнительную «покупательную способность» и становясь активными участниками экономической деятельности. В современных экономиках список активных участников, создающих дополнительную, по сравнению с центральными банками, покупательную способность, включает не только коммерческие банки с их кредитной эмиссией, но и правительственные учреждения, и даже независимых игроков (как это имеет место при производстве криптовалюты). Также стали более разнообразными формы создания дополнительной покупательной способности. Именно этот третий случай создания дополнительной покупательной способности, необходимой для расширенного воспроизводства, с обслуживающими его институтами денежного обращения, является для нас наиболее интересным.

А что будем понимать под диалектикой институтов? Задача диалектического анализа институтов денежного обращения была обозначена нами еще на входе в нынешнюю тему государственного задания в 2023 г. в докладе, представленном на Ученом совете Института экономики РАН: «Как известно, все имеет (как минимум), две стороны, и часто «недостатки являются продолжением достоинств». Очевидно, что базовые институты, формирующие структуры X- и Y-матрицы, обладают необходимыми достоинствами, т.е. подтвержденной в ходе истории функциональностью. Однако объективная полезность тех или иных институтов не озна-

19. Ему соответствует тип так называемого экстенсивного экономического роста.

20. В этом случае обычно говорят об интенсивном экономическом росте, предполагающем с внедрением новшеств.

чает, что не существует рисков нарушения их функциональности. Это может происходить либо в силу субъективных особенностей их использования в определенные исторические периоды внутри страны, либо в результате внешнего давления, либо в силу недостаточной сдерживающей роли комплементарных институтов и т.д. Известны, например, регулярные *экономические кризисы недопроизводства* в государствах с доминированием институтов Х-матрицы и *экономические кризисы перепроизводства* в странах с доминированием институтов Y-матрицы. Причины и тех, и других коренятся в самой природе экономических институтов каждой из матриц. Поэтому их диалектический анализ позволит предвидеть возможные противоречия в ходе реализации каждого из институтов... Предпочтение будет отдаваться анализу институтов, связанных со сферой денежного обращения» (Кирдина-Чэндлер, 2023а. С. 47). Таким образом, диалектика рассмотрения институтов денежного обращения в нашем случае предполагает особое внимание к эффектам комплементарности институтов, когда негативные свойства институтов одной доминирующей матрицы купируются (сдерживаются, преодолеваются) дополнением институтов альтернативной матрицы.

Объектом нашего анализа станет комплементарное взаимодействие институтов денежного обращения в КНР в процессе «социализации инвестиций». Опыт этой успешно развивающейся в последние десятилетия страны интересен нам потому, что в ней, как и в России, исторически доминируют институты Х-матрицы²¹. Поэтому его использование может быть для нас полезным.

2.1. Взаимодействие Х- и Y-институтов в ходе социализации инвестиций в КНР

В литературе по новейшей истории финансовой и банковской системы Китая отмечаются постоянные попытки комплементарного использования заимствуемых западных институтов и традиционных форм. Сошлемся здесь на результаты исследований наших коллег, посвященных этой проблеме. Так, М.С. Круглова обращает внимание на то, что даже в условиях «насильственного открытия»

21. Краткое изложение теории институциональных Х-Y-матриц можно найти по ссылке <http://www.kirdina.ru/doc/book/XYbook3.pdf> на с. 424–442.

китайской экономики западными державами и внешнего давления с направленным внедрением западного банкинга, что привело к значительному присутствию зарубежных банков в стране к концу XIX в., «китайские финансовые институты проявили неожиданную стойкость и лишь частично заимствовали западные механизмы, представив неожиданный синтез институциональных форм Запада и Востока» (Круглова, 2023. С. 701). А в 1930-е годы такое комбинирование западных и традиционных национальных форм помогло «не только стабилизировать финансовый сектор страны, но и обеспечить существенный прогресс в промышленности и торговле, реализованный благодаря притоку банковского финансирования» (Круглова, 2022. С. 75). Современная китайская экономическая теория также поддерживает тезис о комбинированном, «гибридном» характере китайской экономики, предполагающем сочетание плановых и рыночных механизмов, государственного, общественного и частного секторов экономик (Вольнский, Плущевская, 2024. С. 118) в различных отраслях народного хозяйства. При этом рынок в данном случае понимается не столько как черта капиталистической системы, сколько как один из сложившихся в экономике механизмов распределения благ и ресурсов (Вольнский, Круглова, 2022).

Постановка о гибридном характере китайской экономики характерна и для исследователей, изучающих КНР «со стороны». Основное различие позиций зарубежных авторов состоит, пожалуй, в том, какие начала — рыночные или централизованные — лидируют, по их мнению, в экономике Китая XXI в. и обеспечивают его внушительные успехи²². В этом вопросе позиции ортодоксов (в том числе теоретиков экономического роста) и гетеродоксов (сторонников теории развития экономики) кардинально различаются. Доминирующий дискурс по этому поводу, представленный в ортодоксальной экономической литературе, связывает нынешнее возвышение Китая с результатами приватизации, ролью иностранного капитала и политикой по дерегулированию рынка. В этой связи современную социально-экономическую систему КНР они

22. Мы не останавливаемся на их описании, поскольку они широко известны — от высоких устойчивых темпа роста, качественного инновационного обновления структуры экономики, впечатляющего социального развития, лидирующих позиций в переходе к новому технологическому укладу, мировой торговле и др.

определяют как «китайский государственный капитализм» (подробное обсуждение см., например (Chinese State Capitalism..., 2021) или «партийный государственный капитализм» (Milhaupt, 2025)), где рынок в результате реформ последних десятилетий играет главную роль, а государство во главе с Коммунистической партией Китая²³ активно помогает ему. Но такой подход находится в противоречии с позицией большинства китайских авторов, которые определяют свою систему как «социализм с китайской спецификой», согласно закреплённому в Конституции КНР положению: «Китайская Народная Республика — социалистическое государство... Социалистический строй — фундаментальная система Китайской Народной Республики. Руководство Коммунистической партии Китая — определяющая черта социализма с китайской спецификой» (Constitution of the People's Republic of China. Chapter I. Article 1.). При такой постановке рынок полагается встроенным в социалистические воспроизводственные отношения, а не довлеющим над ними.

А что же гетеродоксальные российские и зарубежные экономисты? В отличие от представителей ортодоксальной неоклассической экономики они концентрируются на анализе альтернативных рынку институтов и их роли в экономических успехах современного Китая. Они указывают на центральную роль государства, отмечают взаимодействие между институтами государственной финансовой системы и крупными государственными конгломератами в ключевых секторах экономики, активно действующими в конкурентной рыночной среде. С гетеродоксальной точки зрения основу нынешнего экономического развития КНР составляет институциональная система общественного воспроизводства, в которой процесс накопления общественного капитала организован таким образом, что позволяет поддерживать и высокие темпы экономического роста, и постоянную модернизацию экономики и социальной сферы. Ее ключевым моментом служит процесс «социализации инвестиций» (Jabbour, de Paula, 2020), который направляется государственными структурами и имеет сложную архитектуру, динамично формиру-

23. Роль Коммунистической партии Китая в экономическом и социальном развитии страны признается, как правило, всеми исследователями, независимо от научных школ и идеологических взглядов. Различаются лишь оценки этой роли.

ему в соответствии со стоящими перед страной вызовами. Более того, в КНР удалось сформировать «политическое пространство», подходящее для социализации инвестиций в условиях глобализации международной финансовой среды, с которой Китай постоянно углубляет связи.

«Политика “социализации инвестиций” является выражением процесса накопления, который включает в себя создание и развитие экономических институтов разнообразной типологии, формирование прочной финансовой системы, а также высокосложного интегрированного производственного потенциала» (*Jabbour, de Paula, 2020. Р. 317*). При этом высокий уровень социализации инвестиций связан в Китае с высоким уровнем контроля над крупной промышленностью и финансами и запуском новых и все более высоких форм экономического планирования (*Там же. Р. 318*)²⁴. В этой схеме институты денежного обращения, с одной стороны, направлены на защиту внутренних национальных интересов, а с другой стороны, на поддержку усиления роли страны в мировой глобальной экономике. В чем это выражается?

Начнем с внешнего контура. Во-первых, известна избирательная политика Китая в отношении прямых иностранных инвестиций. Они ограничивались секторами, которые партийно-государственная власть не считала «стратегическими» для национального развития и/или безопасности (*Hsueh, 2016*). Этот процесс находится под постоянным контролем. С начала реформ действует «механизм регулирования инвестиционных потоков посредством создания перечней отраслей, поощряемых к иностранному инвестированию и закрытых для него» (*Волынский, Плущевская, 2024. С. 123*). Аналогичным образом регулировался процесс приватизации. Государственная политика поощряла приватизацию и создание совместных с зарубежными инвесторами предприятий прежде всего в сфере производства потребительских товаров. При этом значительные долларовые излишки, генерируемые в этих динамичных

24. Цитируемые авторы полагают, что подробно представленная ими политика «социализации инвестиций» фактически спасла Китай, который в конце 1980-х годов переживал критические времена. Сейчас в это трудно поверить, но тогда в стране подскочила инфляция (с 7,2% в 1987 г. до 18,3% в 1989 г.), шло непрерывное накопление торгового дефицита и не утихали споры внутри политических элит (*Jabbour, de Paula, 2020. Р. 323*).

и конкурентоспособных секторах за счет экспорта²⁵, рециркулировались через государственные банки и (через льготные кредиты и мягкие бюджетные ограничения) на государственные предприятия стратегических секторов (*Rolf, 2021*), о чем подробнее скажем ниже.

Поддержка экспорта стала одним из главных направлений китайских институциональных реформ с целью получения необходимых денежных ресурсов для обеспечения расширенного воспроизводства экономики и социально-экономического развития в целом. Стимулирование прямых иностранных инвестиций в экспортный сектор осуществлялось посредством широких налоговых льгот, предусматривавших перевод прибыли/дивидендов за границу в первый год инвестирования. Правительство увеличивало также финансирование производства и поддерживало снижение ставок до самого низкого международного уровня, разрешило участие иностранных компаний в страховом и биржевом секторах — но под пристальным контролем Народного банка Китая (НБК). Тем самым налогово-бюджетная политика КНР «стимулировала поглощение прямых иностранных инвестиций путем принятия специальных налоговых правил, применимых только к иностранным компаниям» (*Tessari, Ferrari-Filho, 2025. P. 124*), что создавало устойчивую базу экономического воспроизводства внутри страны.

Контроль движения капитала во внешнем контуре с последующим перенаправлением на внутренние цели развития экономики был постоянно в поле зрения руководства Китая. Формы контроля менялись в соответствии с изменениями международных и внутренних обстоятельств, но исследователи отмечают постоянство их целевой направленности. Среди них организация направления получаемых внешних ресурсов на необходимые цели внутри страны; сохранение независимости национальной денежно-кредитной политики от влияния международных событий в контексте режима управляемого обменного курса; предотвращение принятия

25. Показатели экспорта по отношению к ВВП (пик в 35% отмечался к 2006 г.) составляют в настоящее время 20%. Несмотря на тенденцию к снижению доли экспорта в ВВП, его абсолютный объем продолжает расти, а КНР остается крупнейшей страной-экспортером в мире (<https://russian.cgtn.com/news/2025-03-04/1895382371300188161/index.html#:~:text=Доля%20Китая%20в%20мировом%20ВВП,быстрее%2C%20чем%20в%20странах%20Евросоюза>).

фирмами и финансовыми учреждениями чрезмерных внешних рисков; поддержание равновесия платежного баланса и стабильности обменного курса; и, наконец, изоляция экономики от иностранных финансовых кризисов (*Zhao, 2006; Wang, Lin, 2020*), что, учитывая вовлеченность Китая в мировую экономику, является все более актуальной задачей.

Управляемый обменный курс особенно часто является объектом внешней критики, когда Китай упрекают в «валютных манипуляциях». Однако некоторые специалисты отмечают, что противодействие со стороны центральных банков стран Восточной Азии чрезмерным колебаниям обменного курса в любом направлении «является нормой для следования рыночно-ориентированному пути в среднесрочной перспективе» (*Wiemer, 2026. P. 20*), поэтому оставляют за денежными властями этих стран право на самостоятельный выбор наилучших форм такой политики. Они также признают, что китайская стратегия по поддержанию завышенного обменного курса²⁶ (наряду с действующими институтами в области фискальной и денежно-кредитной политики) помогла стране догнать более богатые страны по величине ВВП, по доступу к технологиям, накоплению основного капитала и т. д. за период 1990–2024 гг. (*Tessari, Ferrari-Filho, 2025. P. 114*). А контроль над потоками капитала и интервенций со стороны НБК для формирования выгодного для экономики в целом курса юаня является важной частью стратегии социализации инвестиций (*Jabbour, de Paula, 2020. P. 323*) на внешнем контуре.

Перейдем к анализу организации внутреннего контура обращения денег в процессе воспроизводства в КНР при социализации инвестиций. Именно здесь в наибольшей мере, на наш взгляд, проявляется результат сочетания X- (редистрибутивных, централизованных) и Y- (рыночных) институциональных форм и механизмов в сфере денежного обращения, поддерживающих экономику развития Китая.

26. Напомним, что в КНР с 1981 до 1995 г. имела место девальвация юаня, с 1995 до 2006 г. применялся фиксированный обменный курс, а в 2006 г. был введен режим полуфиксированного обменного курса. Лишь с 2014 г. Народный банк Китая (НБК) начинает активную политику на валютном рынке и при необходимости обесценивает/укрепляет юань контролируемым образом.

Мы уже отмечали селективный характер китайской государственной политики при проведении приватизации, когда ее объектами прежде всего становились предприятия и экономические структуры, не имеющие стратегического значения для независимости и безопасности страны. В первую очередь это относится к банковской системе Китая. Конечно, невозможно отрицать, что в Китае происходил процесс перехода от централизованно планируемой экономики с сильными ограничениями рыночной роли и частной инициативы к другой, где сочетаются плановые и коммерческие начала и возрастает количественная важность предприятий частной формы собственности²⁷. Однако мы согласны с точкой зрения о том, что институциональные реформы в КНР способствовали не только появлению динамичного частного сектора, но и процессу централизации (на новой основе) крупного государственного капитала (*Jabbour, de Paula, 2020*).

В банковско-финансовой сфере его проявлением стало создание, наряду с Народным банком Китая, ответственным за регулирование денежного обращения и кредита, высших административных органов, которым он подконтролен. Состав этих органов постоянно обновляется в соответствии с возникающими в этой сфере запросами. Среди них Комиссия по регулированию банковской деятельности Китая (CBRC), Комиссия по регулированию ценных бумаг Китая (CSRC), Комиссия по регулированию страхования Китая (CIRC), Национальное управление финансового регулирования и др. Направляемая административными структурами централизация банковской сферы Китая выражается в создании так называемых «политических банков», созданных для некоммерческого кредитования, неакционированных и находящихся в государственной собственности. Это Китайский банк развития (*China Development Bank*), Экспортно-импортный банк Китая (*China Exim Bank*) и Сельскохозяйственный банк Китая (*Agricultural Bank of China*), которые финансируют крупные национальные инфраструктурные проекты, финансово стимулируют развитие внешне-экономических связей и сельского хозяйства. Процесс централизации банковского капитала отражает и структура государственных

27. О соотношении государственной и частной собственности в экономике КНР идут постоянные дискуссии. Консенсус определяет их примерное соотношение 1 к 1, в то время как отклонения от него в значительной степени зависят от взглядов исследующих эти процессы экономистов.

коммерческих банков (где государству принадлежит контрольный пакет акций) — Промышленный и коммерческий банк Китая (Industrial & Commercial Bank of China), Банк Китая (Bank of China), Строительный банк Китая (China Construction Bank), Банк коммуникаций КНР (Bank of Communication)²⁸. Политические и государственные банки передают денежно-кредитные сигналы системе коммерческих, муниципальных, сельских банков и других финансовых организаций, широко представленных в современном Китае и функционирующих на рыночной основе²⁹.

Через систему политических и «больших» государственных банков власти Китая усиливают регулирование экономики развития посредством инструментария банковских ставок и нормативов. Как мы уже отмечали, их уровень (по сравнению, например, с Россией) весьма низок. По последним данным, однолетняя ставка кредитования (LPR) — эталон для большинства корпоративных и домашних кредитов — оставалась стабильной на уровне 3,0%, в то время как пятилетняя LPR, определяющая ипотечные ставки, оставалась неизменной на уровне 3,5%³⁰. Результатом функционирования банковской системы является высокий уровень кредитования процессов общественного воспроизводства, поскольку сохраняется преимущественная направленность банковского кредитования для поддержки реального сектора экономики. «Традиционно это принято объяснять через целенаправленную политику Коммунистической партии Китая, использующей банковское кредитование как инструмент реализации экономического планирования» (Круглова, 2023. С. 711)³¹. При такой структуре банковской системы государство берет на себя роль кредитора последней инстанции и инве-

28. Зарубежные исследователи выделяют Большую четверку китайских банков — Банк Китая, Строительный банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая и Промышленный и коммерческий банк Китая как наиболее важных с точки зрения проведения политики социализации инвестиций (Jabbour, de Paula, 2020. Р. 324). Доля государственных банков в совокупные активы банковского сектора страны оценивалась в 2010 г. в 55 % (Lo et al., 2011. С. 271).

29. Подробнее о структуре банковской системы современного Китая см., например (Лихачева, Олейник, 2024).

30. <https://ru.tradingeconomics.com/china/interest-rate> (доступ 14.08.2025).

31. Вот как говорил в 2009 г. о специфике китайского банкинга Чэнь Юань, знаменитый председатель Банка развития Китая: «[Мы] не должны привозить все американское и использовать в Китае. Вместо этого мы должны развиваться, исходя из собственных потребностей, и строить собственную банковскую систему» (цит. по (Walter, Howie, 2012. Р. 27)).

сторa первой инстанции (*Burlamaqui, 2015*), что не исключает (а в реальности предполагает) сотрудничество с частным сектором. Отмечается также тесное взаимодействие Народного банка Китая и правительства — по сути Народный банк Китая, выполняющий функции центрального банка, является важнейшим инструментом правительства по реализации государственных программ развития экономики и полностью ему подотчетен (*Jones, Bowman, 2019*).

Направляемый через систему государственных банков «кредитный импульс» (показатель, отражающий отношение объема новых кредитов за определенный период к номинальному объему ВВП) является важной частью системы институтов денежного обращения в процессе воспроизводства и движущей силой экономики развития Китая. Экономисты ФРС, проведя скрупулезные расчеты³², обнаружили, что «положительный шок кредитной политики Китая в размере 1% от ВВП Китая приводит к росту альтернативного показателя ВВП Китая на 1,2%. Функции импульсного отклика показывают, что наиболее сильное влияние на ВВП Китая проявляется через 16 месяцев, а значительный положительный эффект сохраняется чуть менее 24 месяцев» (*Barcelona et al, 2020. P. 18*)³³. Неслучайно поэтому, что объемы внутреннего кредитования в стране растут в абсолютном и относительном выражении. Если в 1980 г. показатель отношения внутреннего кредита к ВВП составлял 49,7%, в 1990 г. — 86,2%, в 2000 г. — 111,1%, в 2010 г. — 124, 4, то к 2020 г. он достиг 179,1%, и этот рост продолжается: в 2024 г. данный показатель составляет уже 194,2%³⁴. Для сравнения, у традиционных партнеров Китая по БРИКС+ России, Индии и Бразилии эти показатели в 2-3 раза ниже, чем в КНР (*Jabbour, de Paula, 2020. P. 325*). Получателями кредитов, наряду с нефинансовым сектором, являются и домохозяйства, что также увеличивает риски роста инфляции.

32. Авторы разработали собственную методику расчета альтернативного ВВП, предложив свой метод извлечения базовых месячных темпов роста из 12-месячных темпов роста и использования их для построения ряда уровня для ВВП Китая (*Barcelona et al, 2020. Pp. 12–14*).

33. Также в исследовании обнаружено, что рост кредитного импульса в КНР с лагом в один-два года приводит (без учета самого Китая) к повышению роста мировой экономики на 0,3%, цен на сырьевые товары на 2,2% и объемов мировой торговли на 1% (*Barcelona et al, 2020. P. 18*). Это меньше, чем влияние изменения ключевой ставки ФРС США на мировую экономику, но также вполне ощутимо.

34. По данным World Bank Open Data «Domestic credit to private sector by banks (% of GDP) – China». <https://data.worldbank.org/indicator/FD.AST.PRVT.GD.ZS?locations=CN>

В том числе и поэтому активный контроль предложения кредитов со стороны государства (через систему государственных банков) специалисты связывают с задачами уменьшения инфляционных последствий денежно-кредитной политики (*Chen et al.*, 2018, 2020) и изоляции шоков спроса в ходе проведения стабилизационной политики со стороны китайских властей (*Barcelona et al.*, 2020. Р. 6).

Процесс деятельности институтов кредитования, используемого для развития производства, дополняется в Китае прямым направлением бюджетных ресурсов для финансирования вложений в основной капитал. Целесообразность этих государственных инвестиций «предопределена государственными программами и стоящими за ними общенациональными интересами (например, программами реализации крупных инфраструктурных проектов, повышающими благосостояние всех слоев общества). ... важно, что и инвестором, и проектировщиком, и контролером *государственных инвестиций* в основной капитал выступают правительственные или аффилированные с ними организации (министерства, ведомства, службы)» (*Маевский и др.*, 2023. С. 103. Курсив в оригинале).

Основным получателем этих инвестиций (но не только) является государственный сектор экономики, объединяющей конгломераты бизнеса (в 2002 г. на момент создания Комиссии по надзору и управлению государственными активами (SASAC), созданной для представления интересов центрального правительства в крупных компаниях, их насчитывалось 149), расположенные в ключевых экономических секторах, что делает его так называемым «жестким ядром китайской экономики» (*Jabbour, de Paula*, 2020. Р. 326).

Кроме того, используя преимущества рыночной организации, правительство КНР (как и региональные административные структуры), преобразовывает свою собственность на городскую землю, ресурсы и другие активы в надежные источники дохода: «благодаря рационализации налоговой системы и возможности монетизировать владение землей и другими активами, правительство неуклонно увеличивало долю доходов, находящихся под его контролем. Сегодня китайское правительство богато и, очевидно, имеет возможность активно вмешиваться в экономику» (*Naughton*, 2017. Рр. 9–10), занимая сильную позицию собственника в экономике в целом (*Там же*).

Таким образом, система институтов денежного обращения, задействованных в процессах экономического воспроизводства в Китае, сочетает сильное централизованное начало и опору на рыночные инструменты, где государство все более становится «проводником динамики конкурентного накопления капитала, действуя в глобальной экономике» (Rolf, 2023. Р. 121). При этом государство выступает в роли «главного героя процесса развития», трансформировавшись «из прямого агента «принудительных сбережений» в управляющего механизмами верхнего уровня, обеспечивающими координацию/социализацию инвестиций... что открывает двери для динамики роста, характеризующейся «сочетанием двух динамик»: динамики, обусловленной экспортом, и еще одной динамикой, обусловленной инвестициями» (Jabbour, de Paula, 2020. Р. 324). Действительно, в последние 50 лет в Китае наблюдался неуклонный рост доли валового накопления основного капитала (инвестиции за вычетом выбытий) в ВВП, что создает надежную основу для расширенного воспроизводства национальной экономики и поддерживает высокие темпы роста (табл. 1).

Таблица 1. Валовое накопление основного капитала в КНР, в среднем по периодам, % от ВВП

Показатель	1960–1969	1970–1979	1980–1989	1990–1999	2000–2009	2010–2019	2020–2023
Основной капитал	25,4	34,0	35,6	37,3	39,5	44,7	42,2

Источник: данные World Bank Open Data: Gross capital formation (% of GDP).

Отношение накопления капитала к ВВП, составлявшее в 1960-х годах 25,4%, к началу 2020-х годов почти удвоилось, достигнув 44,7%. Цифры последних лет показывают, что, возможно, речь идет уже о стабилизации этой пропорции, оптимальной для текущих условий.

Внимательный анализ процесса социализации инвестиций в Китае показывает его значительные отличия по сравнению с пониманием «socialization of investment» у Кейнса в отношении рыночных экономик. Перечисленные выше китайские особенности данного процесса позволяют, на наш взгляд, использовать для КНР иной перевод этого известного кейнсианского термина, а именно

«обобществление инвестиций». На наш взгляд, именно такая политика осуществляется в современном Китае, поскольку посредством созданной при участии и лидерстве государства системы институтов денежного обращения в сфере воспроизводства инвестиции направляются прежде всего в те сферы, которые в наибольшей мере соответствуют достижению общественных целей и стоящих перед экономикой страны задач. Среди них организация все более сложных систем финансирования реального сектора экономики и влияние распределения инвестиций на реальные переменные экономики, такие как продукт и занятость; распределение и перераспределение передачи ресурсов на мезоуровне для устранения сохраняющихся диспропорций, будь то социальных, региональных или между различными секторами самой экономики; реализация инфраструктурных и других общенациональных проектов; обеспечение суверенности денежно-финансовой системы и т.п.

Конечно, не все проблемы здесь решены. Так, до сих пор сохраняется теневой банкинг в сфере кредитования, не удается понизить до нормативных значений уровень закредитованности и неработающих займов, некоторые важные сегменты банкинга (например, сельского) переживают период стагнации (Лихачева, Олейник, 2024. С. 85). Это не может не вносить сбой в деятельность институтов денежного обращения и приводит к нарушениям процесса воспроизводства, создавая тем самым препятствия при реализации стоящих перед экономикой и обществом целей. Тем не менее, накопленный в КНР опыт социализации/обобществления инвестиций целесообразно, на наш взгляд, использовать в экономической политике России для создания в нашей стране экономики развития.

2.2. Некоторые особенности воспроизводственных процессов в странах с доминированием институциональной X-матрицы

Почему мы можем заимствовать представленный опыт Китая? Дело в том, что специфика организации воспроизводственных процессов в современной китайской экономике является не только национальной особенностью, но отражает более общие закономерности и воспроизводственные пропорции, характерные для стран

с доминированием институциональной X-матрицы, к которым принадлежит и Россия. Основу этого утверждения составляют результаты наших исследований, начатых более десяти лет назад (Кирдина, 2013, 2016) и продолжающихся в настоящее время. В данном параграфе мы отметим наиболее выраженные из этих особенностей, поддержанные в исследованиях других авторов.

Будем использовать сравнительно-исторический метод, типичный, как отмечено в 1.1., для исследовательского направления «экономика развития». В данном случае мы будем сопоставлять динамические данные, отражающие особенности процессов воспроизводства в странах с доминированием X- и Y-матрицы. Очевидно, что обоснованность выборки соответствующих стран имеет здесь ключевое значение. Ее формирование заняло не один год, а подробное описание потребовало бы многих страниц. Поэтому здесь можно представить только обобщенные результаты этой кропотливой работы. Критерии отнесения стран в ту или иную группу были обоснованы в (Кирдина, 2014 (2001, 2000)). Затем была разработана методика отбора стран в группы. Она основывалась на использовании методов интеллектуального анализа данных, включающих метод главных компонент, метод оптимальных достоверных разбиений, а также набор методов распознавания (Журавлев и др., 2006; Вольинский и др., 2015. С. 928–930). Были определены внешние факторы (климатические характеристики), которые позволяли с высокой степенью точности предсказывать, какая матрица доминирует в той или иной стране³⁵, и составлен их список, включающий 65 стран (Кирдина и др., 2015. С. 10). Из этого списка отбираются страны для дальнейших сопоставлений.

Первая выявленная нами закономерность заключается в том, что в странах с доминированием X-матрицы для производственных процессов характерна более высокая норма накопления капитала³⁶ (рис. 2). Ранее (табл. 1) мы отмечали высокое значение данного показателя в Китае, но более широкие сопоставления показывают, что это характерно не только для этой страны.

35. Так, в «слишком жарких» или «слишком холодных» странах доминирует комплекс институтов X-матрицы, а в странах с относительно умеренным климатом — Y-матрицы.

36. Описание начального этапа этих измерений см. (Кирдина, 2016. С. 84–85).

Феномен различия нормы накопления основного капитала в разных государствах неоднократно обсуждался в научной литературе, особенно в отечественной (см., например, (Кваша, Красовский, 2003; Миркин, 2010; Погосов, Соколовская, 2012; Волинский, Круглова, 2016 и др.)). Но отмеченная общая закономерность выявлена, насколько нам известно, впервые.

Почему эти различия, составляющие порой, как следует из графика, не более полутора процентных пунктов, представляются нам существенными? Дело в том, что, согласно многолетней статистике отношения ВНОК к ВВП, усредненные значения данного показателя по миру в целом за период 1970–2020-х годов представлены в весьма малом диапазоне от 23 до 27%, причем с учетом «экстремальных выбросов» в ходе мировых кризисов или недавней пандемии COVID-19. То есть они изменяются в довольно узком коридоре и подвержены лишь незначительным колебаниям. Поэтому даже наблюдаемые отклонения от этого устойчивого диапазона в ту или иную сторону следует считать существенными. Еще одним аргументом служит постоянство различий данного показателя для обеих выборок даже в ходе их синхронных колебаний в связи с глобальными трендами.

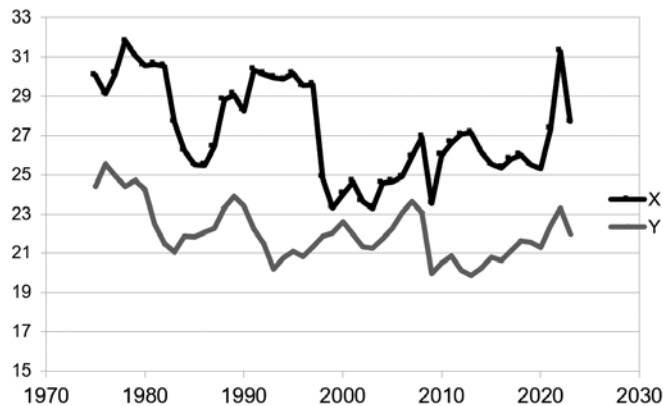

Рис. 2. Доля валового накопления основного капитала (ВНОК) в странах с доминированием X- и Y-матрицы

Источник: данные World Bank Open Data: Gross capital formation (% of GDP).

Примечание. В выборку стран с доминированием X-матрицы (N=10) вошли Бразилия, Китай, Япония, Республика Корея, Россия, Индия, Филиппины, Венесуэла, Малайзия, Таиланд. В выборку стран с доминированием Y-матрицы (N=10) — Бельгия, Канада, Германия, Дания, Испания, Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды и США. В расчетах использовался принцип арифметической средней.

Выявленные различия, а главное, их устойчивость, указывают, на наш взгляд, на очевидные отличия в процессе воспроизводства и стоящие за этим различия в его институциональной организации. Поддержание в X-странах, по сравнению с Y-странами, более высокой нормы накопления (возможно, она вызвана необходимостью поддержания жизнеспособности экономической системы в более суровых климатических условиях) является, как можно предположить, одной из функций разнообразных институтов денежного обращения, задействованных в процессе экономического воспроизводства стран с доминированием X-матрицы.

В современном Китае этой цели служит описанная выше система институтов социализации/обобществления инвестиций. А в СССР в свое время для аналогичных целей использовались иные институты, чтобы направить средства на инвестиции и не допустить возможности их использования на цели потребления: речь идет о таком денежном инструменте, как «безналичные рубли» для финансирования капитальных вложений и специальных банках, обслуживающих процесс их обращения (подробнее см. (Кирдина-Чэндлер, 2021. С. 14–15)).

Отметим, однако, что сама по себе высокая доля валового накопления капитала не обеспечивает автоматически решения задач общественного воспроизводства эффективным образом. Важен механизм использования направляемых на эти цели средств, такое функционирование институтов денежного обращения, которое обеспечивает направление средств в нужные сферы и систему обратной связи об эффекте используемых накоплений. Мы согласны с точкой зрения о том, что важно не только и не столько количество денег, сколько их качество («Quality of Money Does Matter»), а также каналы их ввода в экономику, обеспечивающие наиболее полное использование потенциала страны, обеспечение устойчивого прогресса экономики и улучшения благосостояния людей (Галушка и др., 2021. С. 156).

Кроме того, использование тех или иных каналов денежного предложения, в соответствии с эффектом Кантильона³⁷, предо-

37. Об эффекте Ричарда Кантильона, редко обсуждаемом в нашей литературе, см., например, (Раквиавили, 2020).

ставляет определенные предпочтения тому, кто находится ближе к получателю этих средств. Это объясняется тем, что поскольку движение денег во все более сложных экономических системах неравномерно, то связанные с ним эффекты изменения в относительных ценах, вызывающие в том числе инфляцию, также распространяются неравномерно. В меньшей мере они затрагивают тех, кому «свежие деньги» попадают раньше. Если к тому же эти деньги направляются ими непосредственно в сферу воспроизводства, то это может приводить к достижению более высоких показателей экономического роста. Такого рода эффект был продемонстрирован нашими коллегами в работе (Маевский и др., 2023) по выявлению преимуществ превращения части бюджетных денег в государственные инвестиции в основной капитал. Проведенные ими расчеты с помощью модели переключающегося режима воспроизводства показали: использование канала государственных инвестиций способно генерировать более высокий темп прироста ВВП и более низкую инфляцию, по сравнению с направлением этого же объема денег на потребление (Там же. С. 105).

Тем не менее, сами по себе государственные инвестиции, которые характерны для стран с доминированием X-матрицы, не всегда создают наилучшие условия для развития экономики. Это демонстрирует опыт позднего СССР, в котором (в отличие от нынешнего Китая) тотально доминировали институты X-матрицы, без их дополнения альтернативными комплементарными институтами Y-матрицы. В воспроизводственной сфере одним из негативных последствий такого тотального доминирования служило сопровождающее постоянный рост госинвестиций сверхувеличение объемов незавершенного строительства (табл. 2), что вело к омертвлению накапливаемого капитала и деформации воспроизводственных пропорций.

Накануне распада СССР объемы незавершенного строительства росли как в абсолютном, так в относительном выражении, опережая рост инвестиций. За период с 1986 по 1990 гг. они выросли в полтора раза (табл. 2), тогда как объем капитальных вложений — лишь в 1,2 раза, со 194,4 до 229,8 млрд руб. (Народное хозяйство СССР в 1990 г., 1991. С. 5), что приводило к ухудшению воспроизводственных пропорций. Мы не можем утверждать, что это стало

Таблица 2. Показатели незавершенного строительства в последние годы СССР, 1986–1990 гг.

Показатель	1986	1988	1990
Объем незавершенного строительства, млрд руб.	120,4	150,5	180,9
Доля к ВВП (валовому национальному продукту), %	15,0	17,2	19,2
Доля к НД (национальному доходу, произведенному), %	20,5	23,9	26,9

Источники: Данные по ВВП и НД: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М.: Госкомстат СССР. 1991. С. 5. Данные по объемам незавершенного строительства: Председатель Правления Государственного банка СССР Геращенко В.В. в Верховный Совет СССР. Об итогах выполнения сводного кассового плана СССР за первый квартал 1990 г. 6 апреля 1990 г. / Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 3 З. Д. 741. Л. 33; Госбанк [С]СССР в Управление планирования и координации деятельности банков. Материал к докладу о социально-экономическом положении страны. 2 января 1990 г. / РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 33. Д. 741. Л. 59. (Цит. по (Полынов, 2024. С. 376)).

решающим фактором того, что СССР «приказал долго жить», но влияние этого фактора существенно. Ведь рост объемов незавершенного строительства означал, что средства, затраченные на сооружение необходимых хозяйственных объектов, не давали ожидаемого результата, производство стагнировало, так как воспроизводилось на суженой основе. Вот как описана эта ситуация в научной литературе: «В стране одновременно сооружалось более 300 тыс. хозяйственных объектов, которые ... своевременно в эксплуатацию не сдавались. Сроки их строительства более чем вдвое превышали нормативную продолжительность. Это вело к распылению и омертвлению инвестиций» (Полынов, 2024. С. 375. См. об этом также (Сидоров, 2021)). Проблема была в том, что, хотя безналичное финансирование капитальных вложений было целевым и строго контролируемым ресурсом, оно, по существу, было неограниченным. В стране была запущена такая денежная система, в которой «предприятия и организации дополнительные средства для капитальных вложений сверх собственных ресурсов получают в виде безвозвратного финансирования» (Гусаков, Дымишиц, 1951. С. 275) и не несут экономических последствий при их неэффективном использовании³⁸.

38. С этим наследием сверхцентрализованной экономики Россия вошла в последующий период экономических реформ, проведение которых во многом усугубило этот процесс (Медяник, 2014). Остановить непропорциональный рост незавершенного строительства удалось лишь в 2010–2015 гг. (Панкратов, 2019).

Таким образом, основная задача институтов денежного обращения в воспроизводственном процессе по обеспечению распределения (перераспределения) «покупательной способности денег» в пользу тех, кто играет наиболее активную роль в положительных экономических изменениях³⁹, не была в СССР в полной мере реализована. Мы полагаем, что недоучет диалектики институтов и необходимости их комплементарности, в том числе и для денежного обращения, сыграл в этом решающую роль. Описанный выше опыт современного Китая показывает, как можно решать такого рода проблемы.

Вторая особенность экономического воспроизводства, характерная для стран с доминированием институциональной X-матрицы, связана с ролью государства в инвестиционном процессе. Мы этого уже не раз касались, но здесь сконцентрируем на этом внимание.

В наших предыдущих исследованиях (Кирдина, 2013, 2016) было показано, что в странах с преимущественно рыночной экономикой (странах Y-матрицы) государство выполняет в основном регулирующую функцию в инвестиционной сфере — принимает законы, стимулирующие рост инвестиций на действующих предприятиях, поддерживает на законодательно-нормативном уровне перенаправление инвестиций в передовые технологические сферы, используя в том числе процедуры стандартизации, меры налоговой политики и др. Такая институциональная модель, когда инвестиционные ресурсы сосредотачиваются в бизнес-сообществе, а основная задача государственных органов состоит в создании условий стимулирования инвестиций для экономического роста, может быть названа *государство-регулятор*. В этом случае государство играет важную, но косвенную роль в воспроизводственном процессе, поддерживая инициативы конкурентного рынка. В такой модели обществу следует концентрироваться на «поиске оптимального уровня вмешательства государства в экономику» (Веселов, 2011. С. 25), позволяющего преодолеть разного рода ограничения и выйти на траекторию сбалансированного роста.

Но в странах с доминированием X-матрицы государство не только косвенно, но и напрямую участвует в воспроизводственном

39. Шумпетер, например, выделял специальную группу предпринимателей-новаторов, выполняющих эту функцию в рыночных экономиках.

процессе. При этом оно не только опирается на предприятия государственной формы собственности, но и использует создаваемые для этих целей институты денежного обращения. Среди них различные каналы направления бюджетных средств на выполнение национальных государственных программ и проектов, обусловленные рядом гарантий их целевого использования⁴⁰, создание за счет средств федерального бюджета и государственных корпораций «институтов развития», высокая представленность государственных структур в собственности денежно-кредитных учреждений, доминирование государственных средств в структуре национальных затрат на исследования и разработки⁴¹, без которых невозможно осуществление расширенного воспроизводства и т.д. Мы назвали такую институциональную модель *государство-инвестор*.

Черты этой модели, в сравнении с моделью «государство-регулятор», были представлены на основе сопоставительного исследования трех стран (США, России и Китая) и опирались на статистические ряды основных показателей инвестиционного процесса за период 1990–2010-х годов. Казалось бы, всего три случая (несмотря на продолжительность динамических рядов) — недостаточная база для подобного рода обобщений. Однако в поддержку релевантности модели «государство-инвестор» для X-стран говорят более поздние исследования других авторов, которые описывают те же особенности данной модели, используя при этом свои обозначения. Они называют ее моделью «государства как передового инвестора» — *‘the investor in the front’* (Jabbour, de Paula, 2020) или «предпринимательского государства» — *‘the entrepreneurial state’* (Burlamaqui, 2015) и отмечают важнейшую роль этой институциональной модели в процессе социализации/обобществления инвестиций в современном Китае. Более того, они полагают — и в этом мы с ними солидар-

40. Например, в России предприятия, участвующие в реализации государственных программ, должны открывать специальные счета в Казначействе РФ, куда направляются бюджетные средства, что обеспечивает государственный контроль над их расходованием.

41. Порой статистика не позволяет выделить эту долю напрямую. Так, в КНР в структуре затрат на исследования и разработки (ИР), согласно международным данным, высока доля предпринимательского сектора. Однако индийские авторы в свое время показали, что среди них доля госкомпаний, т.е. государственного сектора, составляет от 50 до 70% (Sinha, Banerjee, 2009). Это позволяет оценить реальную долю государства в общих расходах на ИР на уровне не менее двух третей.

ны, что такая институциональная модель, по крайней мере в Китае, сохранит свою устойчивость и в будущем: «продолжающаяся реорганизация деятельности между государством и частным секторами не приведет к отказу от собственного контроля государства не только над твердым ядром финансов и производственной системы, но и над фундаментальными механизмами автономной макроэкономической политики, такими как процентные ставки и обменные курсы, в дополнение к необходимой изоляции денежно-кредитной политики от настроений международного экономического сообщества через контроль над потоками капитала» (*Jabbour, de Paula*, 2020. P. 327).

Третья особенность, которая объединяет страны с доминированием X-матрицы, в сравнении со странами Y-матрицы — это более низкая доля совокупного государственного долга по отношению к ВВП. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, представленные в табл. 3. Для сравнения мы выбрали страны, входящие в ТОП-10 по объему ВВП по паритету покупательной способности. Использованы данные за последний год, а также некоторые данные доковидного 2017 г. Среди ТОП-10 стран мы выделили две группы: с доминированием институтов X-матрицы, они более известны как незападные страны, и с доминированием институтов Y-матрицы, которые также называют западными странами.

Итак, государственный долг в незападных странах с X-экономикой по отношению к ВВП существенно ниже, чем у западных стран с Y-экономикой — в 2017 г. он составлял 27% против 186% в Y-странах. В 2024 г. разница не столь значительна — 60% против 86%, но в расчете госдолга в абсолютном выражении на душу населения между X- и Y-странами сохраняется огромный разрыв — в X-странах он в среднем в 20 раз меньше.

Интерпретация выявленных различий неоднозначна. Некоторые исследователи смотрят на это со стороны мир-системного подхода и объясняют данный факт эксплуатацией стран периферии и полупериферии странами мировых центров, когда первые выступают для них в роли нетто-экспортеров капитала (*Комолов*, 2018. С. 132).

Однако если взглянуть на различие данных по государственно-му долгу со стороны организации воспроизводственных процессов,

Таблица 3. Показатели государственного долга для ТОП-10 стран по ВВП, по паритету покупательной способности, 2024 г., в скобках 2017 г.

Крупнейшие западные страны			Крупнейшие незападные страны		
страна	отношение совокупного госдолга к ВВП, %	госдолг на душу насе- ления, долл.	страна	отношение совокупного госдолга к ВВП, %	госдолг на душу насе- ления, долл.
США	124 (100)	104 500	Китай	88 (13)	3 000
Великобритания	96 (283)	51 600	Бразилия	76 (30)	5 000
Франция	113 (213)	40 300	Россия	16 (40)	2 076
Германия	63 (148)	20 900	Индия	81 (20)	1 316
В среднем по группе стран	86 (186)	54 325	Индонезия	39 (34)	1 747
			В среднем по группе стран	60 (27)	2 628

Источники: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/government-debt-to-gdp>; <https://t-j.ru/short/debt-per-capita/>; <https://www.kommersant.ru/doc/6876888>; показатели за 2017 г., приведенные в скобках — по данным (Комолов, 2018. С. 132).

Примечание. В ТОП-10 стран входит также Япония, но мы ее в таблицу не включили из-за некоторых противоречий. С одной стороны, Япония относится к группе стран с доминированием институтов X-матрицы. Мы неоднократно приводили разного рода доказательства в пользу данного утверждения. Об этом также писали и говорили мне при личных встречах японские социологи и экономисты, знакомые с теорией институциональных X- Y-матриц. С другой стороны, в силу геополитических причин современная Япония находится в поле притяжения и орбите интересов США, оказывающих на эту страну сильное влияние — от политики и безопасности до экономики и культуры. Это приводит, в том числе, к существенным деформациям в институциональной структуре страны. Что же касается отношения госдолга к ВВП, который в Японии, пожалуй, наивысший в мире (237%, по данным 2024 г.), то он очень нетипичен. По сути, это долг страны «самой себе» — 95% гособлигаций владеют резиденты (Ноздрева, 2019. С.114). Поэтому правительство страны не считает высокий уровень государственного долга проблемой и не вводит ограничительных мер долговой политики, считая, что ежегодное увеличение объема госдолга на 1% необходимо для поддержания экономического роста (Там же).

то интерпретация может быть иной. Она состоит в том, что в своем развитии X-страны выработали институциональные технологии, позволяющие им в большей мере опираться на собственные ресурсы и возможности, чем Y-страны, т.е. способность более экономично, без необходимости существенных внешних заимствований, осуществлять расширенное экономическое воспроизводство. Это делает их развитие относительно более устойчивым и независимым, в то время как для стран с доминированием Y-матрицы, где преобладают рыночные институты, необходим постоянный приток ресурсов

извне⁴² (речь идет не о ресурсах из внешней природной среды, без которых никакие экономики развиваться не могут, а об экономических благах), что выражается в более высоких показателях государственного долга. Опыт Японии парадоксальным образом подтверждает этот вывод. Будучи страной с доминированием институтов X-матрицы и одновременно с одним из самых высоких показателей государственного долга по отношению к ВВП, она демонстрирует ту самую «опору на собственные силы», которую мы имеем в виду. Факт задолженности внутренним резидентам означает, что в стране происходит такое перераспределение покупательной способности, которое обеспечивает передовое в технологическом отношении экономическое развитие без апелляции к ресурсам из других стран.

Предварительное объяснение выявленной тенденции более низкого уровня государственного долга по отношению к ВВП в странах с доминированием X-матрицы их способностью опираться на собственные силы в социальном и экономическом развитии поддерживается, на наш взгляд, двумя выявленными выше тенденциями. Среди них — более высокая норма накопления основного капитала в этих странах, как и роль государства в процессе социализации инвестиций, которая способствует более рациональной (с точки зрения интересов страны и общества в целом) организации воспроизводственных процессов. Тем не менее, анализ разнонаправленности тенденций отношения госдолга к ВВП в X- и Y-странах требует дальнейших исследований. Их актуальность возрастает в условиях происходящих процессов мировой биполяризации (Кирдина-Чэндлер, 2022, 2024; Экономические особенности..., 2024), в которых институционализация денежного обращения внутри и между биполярными коалициями стран играет важную роль как для их суверенного, так и совместного развития.

Наличие общих закономерностей в экономическом развитии стран с доминированием X-матрицы, к которым относится Россия, служит для нас дополнительным обоснованием важности изучения как опыта их достижений, так и опыта преодоления возникающих проблем. При всей важности анализа опыта стран с доминированием Y-матрицы, воспроизводственные институты и практики

42. Колониальная и постколониальная история также может свидетельствовать о необходимости внешней экспансии для тех стран, где доминируют институты рынка.

которых позволяют им достигать значительных успехов в развитии общественного благосостояния, технологического развития и контроля над разумным использованием окружающей среды, нам вряд ли следует им ограничиваться, тем более в условиях смены мирового порядка, когда страны с доминированием институтов Х-матрицы начинают доминировать и в мировой экономике (рис. 3).

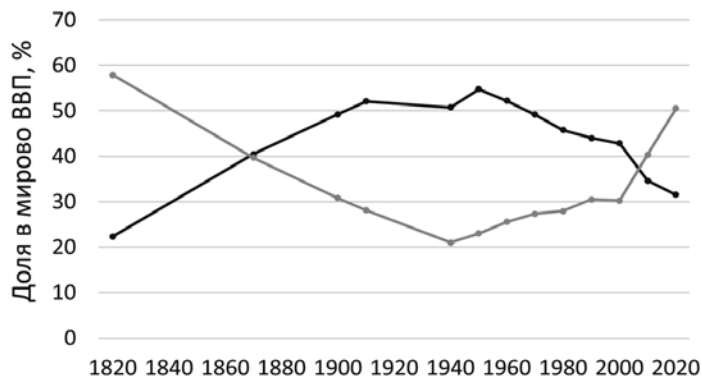

Рис. 3. Сопоставление долей ВВП стран с доминированием Х-матрицы (серая линия) и Y-матрицы (черная линия), 1820–2020-е гг.

График отражает результаты сопоставления долговременной динамики суммарных ВВП, производимых странами с доминированием Х- и Y-матриц. В выборку включены страны, производящие от 75 до 90% мирового ВВП (в разные годы), с учетом доступности данных для соответствующих исторических периодов (подробнее об исходных данных и методике расчетов см. (Кирдина, 2014. С. 312–314)).

Приведенные на графике данные иллюстрируют смену мирового цикла, начатого во времена первой промышленной революции с выходом на мировую арену лидеров западных Y-стран (сначала Великобритании, затем США), новым циклом с восхождением незападных стран. Этот процесс начался с 2000-х годов, когда доля Х-стран в мировом ВВП стала превосходить долю западных стран, и он неуклонно продолжается. Таким образом, Россия вместе с другими Х-странами, находится на «восходящей волне» в море мировой экономики. Это не только вселяет оптимизм, но и направляет наше внимание к изучению опыта тех стран, с которыми мы, можно сказать, плывем в одной лодке по этому морю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основная цель доклада состояла в том, чтобы продемонстрировать особенности институционализации денежного обращения, которые необходимо учитывать в экономической политике России для создания благоприятных условий устойчивого воспроизводства и реализации экономики развития. В роли «методологического компаса» для выявления таких особенностей выступила теория институциональных X-Y-матриц. Она позволила обосновать выбор страны, опыт которой по созданию системы институтов денежного обращения в сфере экономического воспроизводства может служить целевым ориентиром для экономической политики России (другими словами, выбрать передовую страну, где, как и в России, доминируют институты X-матрицы). В качестве такого опыта предлагается система обобществления/социализации инвестиций в современном Китае, которая проанализирована в докладе. Реализованные в ее рамках институты денежного обращения позволяют достаточно эффективно обслуживать процессы экономического воспроизводства. Характерными чертами этой системы является сочетание государственных (редистрибутивных) и рыночных инструментов, что соответствует принципу комплементарности институтов как необходимого условия устойчивой социально-экономической динамики.

Данная система, на наш взгляд, в наибольшей мере отвечает задачам построения экономики развития в нашей стране в практическом плане. Сопоставление возможностей теорий экономи-

ческого роста и теорий экономического развития (развития экономики), представленное в докладе, показывает целесообразность опоры именно на теории экономического развития для этих целей. Проведенный в их рамках анализ институтов денежного обращения и их роли в воспроизводственном процессе это наглядно показал.

Также были выявлены некоторые общие закономерности воспроизводственных процессов в странах с доминированием X-матрицы. Среди них более высокая (по сравнению со странами с доминированием Y-матрицы) норма накопления основного капитала в ВВП, действие институциональной модели «государство-инвестор» в инвестиционном процессе (для стран с доминированием Y-матрицы характерна модель «государство-регулятор») и более низкие показатели государственного долга, как по отношению к ВВП, так и в расчете на душу населения. Наличие общих закономерностей служит дополнительным обоснованием опоры на передовые практики X-стран (прежде всего нынешнего лидера Китая) в экономической политике России.

В ходе заключительного года работы по теме государственного задания «Институциональные основания и воспроизводственные факторы экономической политики России, способствующие переходу к экономике развития» (рук. академик РАН, д.э.н., проф. В.И. Маевский) мы предполагаем решение двух основных задач, опираясь на уже полученные результаты.

Первая состоит в том, чтобы определить возможности системы «социализации инвестиций» в противодействии процессу «выталкивания инвестиций» из реального сектора, связанного с последствиями финансиализации современной экономики. Здесь нам интересны, в частности, разработки Марианны Маццукатто (*Маццукатто*, 2021), а также А.И. Колганова и А.В. Бузгалина (*Бузгалин*, *Колганов*, 2017, 2018; *Колганов*, 2019). Важной поддержкой служит классификация подходов к изучению финансиализации, предложенная в (*Верников*, *Курьшева*, 2024).

Вторая задача связана с первой и заключается в углублении сопоставлений роли институтов денежного обращения в воспроизводственном процессе в странах с доминированием X- и Y-матрицы и возможностей отражения этих различий в экономико-математических моделях, в частности в классе моделей переключающе-

гося режима воспроизводства (основные положения теории см. (Маевский, 2012)), разрабатываемых в нашем Центре институционально-эволюционной экономики под руководством В.И. Маевского.

Решение поставленных задач позволит, на наш взгляд, предложить дополнительные обоснования направленности экономической политики на построение в стране экономики развития и, возможно, дать некоторые конкретные рекомендации.

ЛИТЕРАТУРА

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А., 2022. Новые подходы к моделированию экономического развития. М.: НИЦ ИНФРА-М.
- Бодриков М.В., 2013. Институциональные основания классической политической экономии // Журнал институциональных исследований. Т. 5. № 4. С. 13–35.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2017. «Капитал» — XXI: специфика всеобщего закона капиталистического накопления (некоторые количественные и качественные характеристики) // Вопросы политической экономии. № 4. С. 46–61.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2018. Глобальный капитал. 4-е изд. Т. 2. М.: Ленанд.
- Буянова М.Э., Аверина И.С., 2024. Теории экономического роста: сравнительный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. Т. 26. № 1. С. 5–15.
- Верников А.В., Кирдина С.Г., 2010. Эволюция банков в X- и Y-экономиках. / Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост. Материалы VIII международного симпозиума по эволюционной экономике, г. Пущино, Московская область, Россия, 17–19 сентября 2009 года / Под редакцией В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН. С. 246–280.
- Верников А.В., Курьшова А.А., 2024. Теоретические подходы к изучению финансовализации экономик // AlterEconomics. Т. 21. № 2. С. 179–203.
- Веселов Д.А., 2011. Провалы рынка и провалы государства в модели перехода от стагнации к развитию // Журнал Новой экономической ассоциации. № 12. С. 24–39.
- Веселов Д.А., 2025. От теории роста к теории развития: за пределами стационарных траекторий // AlterEconomics. Т. 22. № 1. С. 83–102.
- Волинский А.И., Круглова М.С., 2016. Показатели воспроизводства основных фондов в национальных системах статистики КНР и СРВ // Вестник Института экономики. № 6. С. 198–208.
- Волинский А.И., 2024. Промышленная политика и государство развития: к актуализации понятия // Russian Journal of Economics and Law. Т. 18. № 4. С. 849–862.
- Волинский А.И., Кириллюк И.А., Круглова М.С., Кузнецова А.В., Рубинштейн А.А., Сенько О.В., 2015. Эмпирическая проверка теории институциональных матриц методами интеллектуального анализа данных // Компьютерные исследования и моделирование. Т. 7. № 4. С. 923–939.
- Волинский А.И., Круглова М.С., 2022. «Социализм с китайской спецификой» как результат риторического синтеза в экономической политике.

- В: Синтез в экономической теории и экономической политике / Под общ. ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН. С. 334–351.
- Волынский А.И., Плущевская Ю.Л., 2024. Переход к новому системному циклу накопления: место Китая // *Journal of Institutional Studies*. Т. 16. № 4. С. 113–127.
- Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О., 2021. Кристалл роста. К русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра.
- Гусаков А. Д., Дымишиц И.А., 1951. Денежное обращение и кредит СССР. М.: Госфиниздат.
- Ефимов В.М., 2018. О двух типах социальных порядков. Ч. I // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 7–25.
- Журавлев Ю.И., Рязанов В.В., Сенько О.В., 2006. «Распознавание». Математические методы. Программная система. Практические применения. М.: Фазис.
- История экономики и экономических учений, 2010 / Под ред. В.С. Автономова, О.И. Ананьина, Н.А. Макашевой. М.: НИЦ ИНФРА-М.
- Кваша Я., Красовский В. 2003. Капитальное строительство и накопление. В: Я.Б. Кваша. Избранные труды. Т. 2. М.: Наука.
- Кирдина С.Г., 2004. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука.
- Кирдина С.Г., 2013. Институциональные модели финансирования реального сектора // *Журнал Новой экономической ассоциации*. Т. 18. № 2. С. 129–157.
- Кирдина С.Г., 2014 [2001, 2000]. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию (3-е изд., перераб., расш. и иллюстр.). М., Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Кирдина С.Г., 2016. Институциональная организация воспроизводственных процессов в X- и Y-экономиках // *Journal of Institutional Studies* (*Журнал институциональных исследований*). Т. 8. № 4. С. 72–91.
- Кирдина С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О.В., 2015. Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // *Социологические исследования*. № 9. С. 3–13.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., 2019. Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // *Journal of Institutional Studies*. Т. 11. № 3. С. 7–20.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., 2021. Новая «старая» институционализация денежного обращения в постсоветской России // *Journal of Institutional Studies*. Т. 13. № 4. С. 6–24.

- Кирдина-Чэндлер С.Г., 2022. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. № 10. С. 3–16.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., 2023а. Институционализация денежного обращения: гетеродоксальный анализ // Tetra Economicus. Т. 21. № 3. С. 45–57.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., 2023б. Теория институциональных X- и Y-матриц: новые результаты и актуальные вызовы? Научный доклад (препринт). М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., 2024а. Становление нового мирового порядка: вызовы для российского обществоведения // Социологические исследования. № 6. С. 29–41.
- Кирдина-Чэндлер С.Г., 2024б. Теории экономического развития vs теории экономического роста: взгляд институционалиста // Вопросы политической экономики. Т. 40. № 4 (40). С. 142–162.
- Колганов А.И., 2019. Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала // Вопросы экономики. № 8. С. 67–84.
- Комолов О.О., 2018. Отток капитала из России в контексте мир-системного анализа // Экономическое возрождение России. Т. 56. № 2. С. 128–140.
- Красильников А.С., 2007. Анализ развития теории экономического роста // Экономические науки. Т. 26. № 1. С. 60–66.
- Круглова М.С., 2022. Синтез в экономической политике на примере банковского сектора Китая в период Нанкинского десятилетия (1928–1937). Роль неформальных связей // Tetra Economicus. Т. 20. № 4. С. 75–86.
- Круглова М.С., 2023. Институциональная мозаика финансовых учреждений в Китае периода Поздней Цин и синтез организационных форм: от пяхао и цяньчжуан к центральному банку // Russian Journal of Economics and Law. Т. 17. № 4. С. 699–715.
- Лакомски-Лагерр О., 2020. Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма // Journal of Institutional Studies. Т. 12. № 4. С. 54–76.
- Лебедев А.В., 2004. Финансовые инновации как фактор возможной дестабилизации экономики: теория Хаймана Мински // Финансы: Теория и Практика. № 4. С. 68–78.
- Лихачева В.В., Олейник Г.С., 2024. Банковский сектор КНР: тенденции и проблемы развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 3–1. С. 80–87.
- Львов Д.С., 2002. Экономика развития. М.: Экзамен.

- Маевский В.И., 2012. О переключающемся режиме воспроизводства // Terra Economicus. Т. 10. № 1. С. 11–19.
- Маевский В.И., 2021. О базовых предпосылках не-нейтральности денег в экономической теории // Journal of Institutional Studies. Т. 13. № 1. С. 6–19.
- Маевский В.И., 2025. Белые пятна в ортодоксальной экономической теории // Экономическое возрождение России. Т. 84. № 2. С. 40–56.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., 2023. Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт Х-экономики Китая // Вопросы экономики. № 10. С. 98–123.
- Маццукато М., 2021. Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике / Пер. с англ. Н. Проценко. Под науч. ред. Н. Афанасова, А. Павлова. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики.
- Медяник Ю.В., 2014. Проблемы классификации и оценки объектов недвижимости незавершенного строительства // Российское предпринимательство. Т. 15. № 19. С. 157–167.
- Миркин Я.М., 2010. Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: Еврофинансы.
- Моисеев С.Р., 2002. Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики // Финансы и кредит. № 18. С. 38–51.
- Ноздрева Р.Б. 2019. Государственный долг Японии: анализ особенностей и оценка перспектив // Вестник МГИМО-Университета. Т. 12. № 5. С. 114–133.
- Панкратов О.Е., 2019. О состоянии незавершенного строительства и его вовлечении в хозяйственный оборот // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. № 3. С. 121–128.
- Погосов И.А., Соколовская Е.А., 2012. Источники финансирования модернизации экономики. М.: Институт экономики РАН.
- Полынов М.Ф., 2024. Экономическая политика в Советском Союзе в годы перестройки // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 69. Вып. 2. С. 371–386.
- Раквиашвили А.А., 2020. Монетарная политика и неравенство // Journal of Institutional Studies. Т. 12. № 4. С. 6–17.
- Сидоров А.В., 2021. Нарастание кризисных явлений в экономике СССР: оценка руководством страны (осень 1989 года) // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. 87. С. 48–60.
- Смит А., 2007 [1776]. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Толкачев С.А., Левин С.Н., Макарова И.В., 2024. Новая экономика развития как методологическая и мировоззренческая дисциплина // Journal of Economic Regulation. Т. 15. № 1. С. 105–117.

- Фролов Д.П., 2015. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // Пространственная экономика. № 1. С. 14–37.
- Экономические особенности становления нового мирового порядка: вызовы для России, 2024 / Под общ. ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. СПб.: Алетейя.
- Alcouffe A., Ferrari S., 2008. Growth versus development from Schumpeter to Georgescu-Roegen. 12th Eshet conference, May 2008, Prague, République Tchèque. fhalshs-01005389f.
- Barcelona W., Cascaldi-Garcia D., Hoek J., Van Leemput E., 2022. What Happens in China Does Not Stay in China. International Finance Discussion Papers 1360. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System.
- Bresser-Pereira L.C., Oreiro J.L., 2024. A brief history of development theory. From Schumpeter and Prebisch to new developmentalism // Revista de Economia Política [Brazilian Journal of Political Economy], Vol. 44. No. 1. Pp. 5–28.
- Burlamaqui L., 2015. Finance, development and the Chinese entrepreneurial state: A Schumpeter-Keynes-Minsky approach // Revista de Economia Política. Vol. 35. No. 4. Pp. 728–744.
- Campos J.E., Root H.L., 1996. The Key to the Asian Miracle: Making Shared Growth Credible. Washington: Brookings Institution Press.
- Chang H.-J., 2010. Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics. Vol. 7. No. 4. Pp. 473–498.
- Chang H.-J., 2007. State-owned Enterprise Reform. / In: UNDESA (United Nations Department of Social and Economic Affairs). National Development Strategies – Policy Notes, New York: United Nations. Pp. 113–156.
- Chen K., Ren J., Zha T., 2018. The Nexus of Monetary Policy and Shadow Banking in China // American Economic Review. Vol. 108. No. 12. Pp. 3891–3936.
- Chen K., Zha T., Amstad M., Sun G., Xiong W., 2020. Macroeconomic Effects of China's Financial Policies. Princeton: Princeton University Press.
- Chinese State Capitalism. Diagnosis and Prognosis, 2021. / Eds. Scott Kennedy & Jude Blanchette. Washington: Center for Strategic and International Studies.
- Cho D.-S., 1994. A dynamic approach to international competitiveness: the case of Korea // Asia Pacific Business Review. Vol. 1. No. 1. Pp. 17–36.
- Constitution of the People's Republic of China. State Council of the People's Republic of China. https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (дата доступа: 18.06.2025).

- Davis A.E.*, 2018. Money as a Social Institution. The Institutional Development of Capitalism. London and New York: Routledge.
- Davis J.B.*, 1997. "Government Investment Programs (The Socialization of Investment). In: An Encyclopedia of Keynesian Economics. Eds. Thomas Cate, Geoff Harcourt, and David C. Colander. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. Pp. 210–214.
- Dillard D.*, 1980. A Monetary Theory of Production: Keynes and the Institutionalists // Journal of Economic Issues. Vol. 14. No. 2. Pp. 255–273.
- Ekstedt H.*, 2014. Money in Economic Theory. New York: Routledge.
- Fogel R.W.*, 2009. The Impact of the Asian Miracle on the Theory of Economic Growth. NBER Working Paper № 14967. May 2009.
- Foley D.K.*, 2014. Varieties of Keynesianism. New York: SCEPA Working paper. March.
- Hanappi H.*, 2013. Money, Credit, Capital and the State. On the Evolution of Money and Institutions. MPRA Paper № 47166 MPRA.
- Heise A.A.*, 2023. Keynesian–Minskian perspective on the transformation of industrial into financial capitalism // Journal of Evolutionary Economics. Vol. 33. Pp. 963–990.
- Hodgson G.*, 2009. On the institutional foundation of law: the insufficiency of custom and private ordering // Journal of Economic Issues. Vol. XLIII. No. 1. Pp. 143–166.
- Hsueh R.*, 2016. State capitalism, Chinese-style: strategic value of sectors, sectoral characteristics, and globalization // Governance. Vol. 29. No. 1. Pp. 85–102.
- Jabbour E., de Paula L.F.*, 2020. Socialization of Investment and Institutional Changes in China: A Heterodoxy Approach // Forum for Social Economics. Vol. 50. No. 327. Pp. 316–329.
- Jones B., Bowman J.*, 2019. China's Evolving Monetary Policy. Framework in International Context. Research Discussion Paper 2019–11, International Department – Reserve Bank of Australia.
- Kaboub F.*, 2008. Socialization of Investment. In: William A. Darity Jr. (ed.), International Encyclopedia of the Social Sciences, 2nd edition. Vol. 7, Detroit, MI: Macmillan Reference USA. P. 649.
- Keynes J.M.*, 1933. A Monetary Theory of Production. In: Moggridge D (ed.), collected writings of John Maynard Keynes, vol. 13. The general theory and After, Part 1: Preparation, MacMillan, London 1973. Pp. 408–411.
- Keynes J.*, [1936] 1973. The General Theory of Employment, Interest, and Money. Cambridge: Macmillan, Cambridge University Press.

- Kirdina-Chandler S.*, 2017. Institutional matrices theory, or X-and Y-theory: A response to F. Gregory Hayden // *Journal of Economic Issues*. Vol. 51. No. 2. Pp. 476–485.
- Kirdina-Chandler S.*, 2021. Money Circulation Mechanisms: Micro-Meso-Macro. Paper presented at AFEE/Virtual Annual Meeting ASSA, January, 3–5, 2021 https://www.aeaweb.org/conference/2021/preliminary/1835?q=eNqrVipOLS7OzM8LqSxIVbKqhnGVrJQmIWp1lBKLi_OTQRxDJR2lk tSiXFwgG8hKSayEMEoyc1MhrLLM1HKQAUUFBUABUwOl2lpcMGG RG7o
- Kirdina S., Vernikov A.*, 2013. Evolution of the Banking System in the Russian Context: An Institutional View // *Journal of Economic Issues*. Vol. 47. No. 2. Pp. 475–484.
- Kregel J.*, 1985. Budget deficits, stabilization policy and liquidity preference: Keynes's post-war policy proposals. In F. Vicarelli (Eds), *Keyness relevance today*. Macmillan.
- Lakowski-Laguerre O.*, 2016. Joseph Schumpeter's credit view of money: A contribution to a "Monetary Analysis" of capitalism // *History of Political Economy*. Vol. 48. No. 3. Pp. 489–514.
- Leijonhufvud A.*, 1967. Keynes and the Keynesians: A suggested interpretation // *The American Economic Review*. Vol. 57. No. 2. Pp. 401–410.
- Milhaupt C.J.*, 2025. Party–State, Inc.—Chinese State Capitalism 2.0. In: Wolf-Georg Ringe, and Jeffrey N. Gordon (eds), *The Oxford Handbook of Corporate Law and Governance*, Second Edition (online edn, Oxford Academic, 22 Apr. 2025).
- Naughton B.*, 2017. Is China Socialist? // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 1. Pp. 3–24.
- Parenti C.*, 2020. *Radical Hamilton: Economic Lessons from a Misunderstood Founder*. New York: Verso.
- Ramos A.*, 2007. *Economy, Empire, and Identity: Rethinking the Origins of Political Economy in Sir James Steuart's Principles of Political Economy*. University of Notre Dame. Thesis.
- Robinson J.*, 1973. What has become of the Keynesian revolution? In Robinson, J., ed. *After Keynes*. Basil Blackwell, Oxford. Pp. 1–11.
- Rolf S.*, 2021. *China's Uneven and Combined Development*. London: Springer.
- Rolf S.*, 2023. The revenge of multiplicity: Chinese capitalism under systemic competition // *Global Political Economy*. Vol. 2. No. 1. Pp. 121–138.
- Sawyer M.*, 2010. Crises and paradigms in macroeconomics // *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*. Vol. 7. No. 2. Pp. 283–302.

- Schumpeter J.*, 1934. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Schumpeter J.A.*, 1939. Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process. 2 vols. New York: McGraw-Hill.
- Sinha B., Banerjee P.*, 2009. Growing industrialization of R&D in China: Empirical observations. Presented in China–India seminar: Innovation, Transformation, Displacement and Growth. 21–23 December 2009. Institute of Development Studies, Kolkata, India.
- Sirous B.*, 2024. Economic Growth vs. Economic Development: Defining Success. JIRBM. 11: 010. <https://www.interestjournals.org/articles/economic-growth-vs-economic-development-defining-success-104640.html>
- Skocpol T., Somers M.*, 1980. The Uses of Comparative History in Macrosocial Inquiry // Comparative Studies in Society and History. Vol. 22. No. 2. Pp. 174–197.
- Tessari C., Ferrari-Filho F.*, 2025. Considerations about the Economic Growth of the Chinese Economy Since the 1990s // Chinese Studies. Vol. 14. Pp. 114–127.
- The Pioneers of Development Economics: Great Economists on Development. 2005. Ed. K.S. Jomo. New Delhi: Tulika Books.
- Tori D., Onaran Ö.*, 2020. Financialization, Financial Development and Investment. Evidence from European Non-Financial Corporations // Socio-Economic Review. No. 18. Pp. 681–718.
- Vassallo J.H.*, 2020. Reclaiming the State in Economics: “Radical Hamilton” and the Means of Statecraft. // Los Angeles Review of Books. November 2, 2020. <https://lareviewofbooks.org/article/reclaiming-the-state-in-economics-radical-hamilton-and-the-means-of-statecraft/>
- Walter C., Howie J.T.*, 2012. Red Capitalism. New Jersey: Wiley & Sons.
- Wang G., Lin N.*, 2020. 70 years of China’s foreign exchange market development: history and experience // China Political Economy. Vol. 3. No. 1. Pp. 3–17.
- Wiemer C.*, 2026. Exchange Rate Policy. In: SAGE Hand Handbook of Modern China: Economy. Ed. by R. Schramm (forthcoming). Цит. по: Wiemer C. Making Sense of China’s Exchange Rate Policy. Preprint. October 2024. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.19771.94242>
- Woodruff Ch.*, 2006. Measuring institutions. / In: Rose-Ackerman (Ed.) International Handbook on the Economics of Corruption. Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 105–124.
- Zhao M.*, 2006. External liberalization and the evolution of China’s exchange system. The World Bank Beijing Office. <http://siteresources.worldbank>

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Препринт научного доклада

С.Г. Кирдина-Чэндлер

**О РОЛИ ИНСТИТУТОВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ
В ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ:
ОПЫТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ В КНР**

Оригинал-макет — *Валериус В.Е.*
Редактор — *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка — *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 06.10.2025 г.
Заказ № 19. Тираж 300. Объем 3,0 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН